НАРОДНАЯ ПАРТИЯ ГОРЦЕВ КАВКАЗА

Горцы Кавказа

(LES MONTAGNARDS DU CAUCASE)

№ 21—23. ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 1930 № 21—23.

НАРОДНАЯ ПАРТИЯ ГОРЦЕВ КАВКАЗА

Горцы Кавказа

(LES MONTAGNARDS DU CAUCASE)

№ 21—23.

ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ

1930

№ 21-23.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ВОЗЗВАНИЕ 3
А. БАРАСБИ БАЙ-ТУГАН. Конфедерация и горцы . . 4
САИД ШАМИЛЬ. Великая жертва на пути к святой цели 7
По поводу одного спора 9
КОСТА. „Социал-великодержавники" 15
Д-Р. МИР-ЯКУБ. Большевики в Персии 19
ПОЛКОВНИК ХУРШ. Оборона Салты 22
ИБРАГИМ ЧУЛИК. Очерки Республики Горцев Кавказа 29
ЦОМАК ГАДИАТЫ. Мамсураты Темирбулат—первый осетинский поэт. 33
АДИЛ-БЕК. Когда? 38
ДАГЕСТАН В ОГНЕ (из дневника) 39
Д-Р. Б. Е. АГА-ОГЛЫ. Единый фронт на Соловках . 46
БАРАС-БИЙ. Пятилетний план и „национальные области" Сев. Кавказа 48
Б. Б. „Политические уроки саадуевщины" 52
Ной Рамишвили 54
Обращение Саида Шамиля к председателю 11-ой сессии Лиги Наций 55
Печать 56
Вести с Родины 60

Братья Горцы!

Наша жизнь, полная в прошлом опасностями, научила нас ценить верных друзей. Это мудрое правило не должно забываться нами и в настоящее время, ибо опасность, угрожающая нашей Родине ныне, превышает по своим размерам все предыдущие. Вот уже 10 лет правит нами красная деспотия и мы все более и более убеждаемся, что она сознательно стремится к нашему истреблению. Нас хотят уничтожить и для этого, прежде всего, желают ослабить, чтобы легче добиться своей цели. Нас хотят раздробить, раз‘единить, лишить друзей, ставших уже братьями, и, потом, с каждым в отдельности покончить.

Со дня своего прихода советская власть систематически проводит эту свою политику. Вы помните, как уже в 1920 году красная власть не позволила воссоединиться единому телу нашей Родины, разделив ее на республики Дагестанскую и Горскую и выделив в отдельные округа Адыгею и Шапсугию. Вы помните так-же, как эта власть разделила затем в 1922 г. Горскую Республику на новый ряд „автономных“ областей, лишив их возможности непосредственного общения между собой; помните вы и то, как уже совсем недавно подверглась той-же участи и одна из этих областей — Карачаево-Черкесская, из которой были выделены две самостоятельные единицы—Карачай и Черкесия.

Вас уверяли, что это делается для вашего удобства и пользы, но, знайте, что это неправда. Советская власть руководилась старым, испытанным лозунгом—„разделяй и властвуй“ и преследовала только личные цели.

Помните это и старайтесь всеми силами парализовать это мероприятие ваших угнетателей. Поддерживайте друг с другом связь, старайтесь общими усилиями развивать наши культурные ценности, боритесь сообща с красными узурпаторами. Помните, что вы дети одной матери и вас вскормила одна и таже грудь.

Не забывайте так-же, что вы на Кавказе не одиноки, что по ту сторону хребта живут так-же братья, у которых сердца бьются в унисон с вашими. Не забывайте, что Грузия, Азербайджан и Армения стремятся к тому-же, что и вы, и судьбы ваши отныне неразлучны. Вы должны для вашего-же спасения и для спасения всего Кавказа навсегда проникнуться чувством общекавказского единства и нераздельности. Если мы сейчас переносим красное иго, то только потому, что своевременно не смогли реализовать это единство, оформить его. Идея единого Кавказа, идея Конфедерации Кавказских Республик должна была со дня революции стать общей целью всех кавказских народов. Вы и ваши руководители всегда стояли за Конфедерацию и не наша с вами вина, что она не осуществилась до сих пор. Нужно и дальше стремиться к этому, ибо в этом наше спасение, ибо вся реальная действительность, окружающая нас, повелительно диктует об‘единение усилий всех кавказских народов.

Мы, во имя спасения дорогого и общего нам Кавказа, призываем вас теснее сплотиться, как друг с другом, так и с нашими братьями — азербайджанцами, грузинами и армянами.

Да здравствует Об‘единенная и Независимая Республика Горцев!

Да здравствует Независимый и Конфедеративный Кавказ!

Центр. Комитет Народной Партии Горцев Кавказа.

Конфедерация и Горцы

Всякая истина, как бы она не была очевидна, склонна вызывать сомнения, если правота ея не подтверждается реальными фактами. Убедительность фактов — наилучшее средство для всякого доказательства, и, прежде всего, для доказательства, где не применима безаппеляционость математических формул и вычислений, где сама органическая сущность вопроса допускает произвольные и разнообразные толкования.

Идея Конфедеративного Кавказа является, именно, такого порядка истиной. Хотя очевидность ея была бесспорной с момента зарождения этой идеи, хотя вся окружающая обстановка с первых-же дней диктовала молодым кавказским республикам необходимость самого тесного единения, — все-же, нашлись сомневающиеся, маловерные и даже отрицающие ея правоту.

Спасительный шаг оттягивался, пока тяжелая рука Москвы не положила конец всем разногласиям. И только с падением раз‘единенных кавказских республик идея об‘единенного Кавказа стала принимать реальные очертания. Неудача грузинского восстания 1924 г. еще более укрепила необходимость ея осуществления. Актуальность идеи конфедерации с этого момента признается бесспорной и она включается в оффициальную программу кавказских национальных организаций.

И вот, когда уже нет сомнений и идея кавказской конфедерации находится на пути к реализации, нам хотелось бы просмотреть позиции горцев в вопросе кавказского об‘единения и выяснить роль, которую сыграли они в достижении сегодняшней действительности.

Уже в марте 1918 года, на трапезондской конференции представителей кавказских народов и оттоманской империи, горской делегацией оффициально был поднят вопрос о реализации общекавказского единства.

В своем обращении от 1 апреля к главам остальных делегаций (закавказской и оттоманской) горская делегация писала: „Северо-кавказцы убеждены, что Закавказье не может существовать, как независимое государство, без связи с народами Дагестана и Северного Кавказа. Создание единого кавказского государства диктуется географическими, стратегическими, экономическими и политическими условиями. Достижение этой высокой цели составляет задачу северо-кавказской делегации”.

Эта, поистине, высокая цель и в дальнейшем составляет осно-

ву стремлений независимой Республики Горцев. Так, правительственный оффициоз — „Сев. Кавказ“ — в номере от 29 января 1919 года писал: „Срочная необходимость диктует в настоящее время правительствам Кавказа создание конфедерации, которая об‘единила бы правительства новообразованных республик и в их борьбе с большевицкой анархией и в их отстаивании на всемирной конференции права на независимость и самостоятельное существование“.

Когда в 1919 году войска генерала Деникина заняли часть горской территории, и, под влиянием этих событий, правительство Республики Горцев пало, необходимость единения кавказских республик выступила еще ярче, еще рельефнее среди горцев. На собственном несчастии, которое ими предвиделось, они получили подтверждение своей правоты, высказанной ими уже на трапезондской конференции. Опасность с севера приняла отчетливые формы и вновь голос горцев прозвучал предостерегающим эхом по всему Кавказу. Совет Обороны Северного Кавказа, принявший на себя руководство в борьбе с Деникиным, обратился с нотой к правительствам юго-кавказских республик, призывая их во имя общего спасения встретить сообща надвигающуюся с севера опасность. Тот-же призыв, после разгрома добровольческого движения, был повторен Комитетом Национальной Обороны, возглавляющим борьбу горцев уже против большевиков. Но момент сознания еще не наступил и республики Кавказа, каждая порознь, потеряли свою независимость.

В дальнейшем горцы попрежнему оставались верны себе. Идея конфедерации легла вновь в основу их стремлений и эти стремления получили яркое воплощение в программе Народной Партии Горцев Кавказа, ставшей за годы новой неволи оффициальной представительницей освободительного движения на Северном Кавказе.

В своей декларации, опубликованной в 1926 г. в № 2 журнала „Promethé“, Н. П. Г. К. писала:

„Тысячелетняя история, нравы, понятия и обычаи тесно об‘единяют народы Кавказа. Условия экономические и природой созданные особенности способствуют созданию единой Конфедерации Кавказа. Мы должны приложить все усилия, дабы укрепить в народных массах идеал общекавказской солидарности, как единственный залог нашего успеха в борьбе за независимость. Интелигентные силы горцев, а равно и Народная Партия Вольных Горцев должны себя посвятить в целях наиболее рационального использования всех сил Кавказа в этой борьбе. Вот почему вышеназванная партия ныне же входит в тесное

единение и широко сотрудничает со всеми другими партиями и организациями Кавказа, преследующими ту же самою цель политической независимости".

Партия указывала и конкретные шаги на пути реализации конфедерации Кавказа. В № 1 органа партии — „Горцы Кавказа" в статье, идущей без подписи и под заглавием „Наши задачи", эти шаги определялись следующим образом: „Мы верим в успех нашей борьбы. Мы верим в то, что эта борьба, рано или поздно, приведет Кавказ к конфедерации, а отсюда вытекает и текущая задача руководящих органов Кавказа: подготовить теперь-же реализацию Кавкасской Конфедерации. Первое условие для этого, признание необходимости делигирования конфедеративному органу части своих полномочий отдельными республиками Кавказа".

Т. е. Народная Партия явилась пионером того положения, которое олицетворяется ныне Комитетом Независимости Кавказа, ставшим руководящим революционным органом общекавкасского национального движения.

Можно было бы привести еще целый ряд примеров, иллюстрирующих волю Народной Партии в достижении конфедерации, но нам кажется, что достаточно будет и сказанного. Идея конфедерации прочно воспринята партией и ничто не в состоянии свести ее с этого пути. Тем более, что и вести, идущие с Родины, говорят о том, что путь взят правильный и партия отражает действительные настроения народных масс. Согласованность действий заграничных представительств сопутствуется на Родине согласованностью антисоветской акции кавкасских патриотов. Кавкасское братство скрепляется совместно пролитой кровью во имя общей цели.

Заканчивая наш краткий обзор отношения горцев к идее Кавкасской Конфедерации, нам хотелось бы подчеркнуть, что более чем десятилетняя давность со дня зарождения идеи конфедерации создала среди горцев особые конфедеративные традиции. Традиции эти углубляються, крепнут, приобретают идеологические формы. Происходит психологическая трансформация масс и в этой трансформации, наряду с убедительностью окружающих условий, децидирующую роль играет и пропаганда Народной Партии. Народная Партия является хранительницей конфедеративных традиции и это обеспечивает их конечный успех. Только в реализации конфедерации она видит залог общекавкасского спасения и с этого пути никогда не сойдет.

А. Барасби Бай-Туган.

Великая жертва на пути к святой цели

В Париже на Авеню Гоблэн убит бывший министр внутренних дел Грузии — Ной Рамишвили. Убийцей является грузин...

Так гласили краткие телеграммы, разнесшие по всему миру весть о смерти великого грузинского патриота.

Убийцей является грузин... Понимает-ли этот предатель, приведший в исполнение давно задуманный план ГПУ, весь ужас совершенного им поступка?

Для кремлевских палачей, привычных к террористическим актам в большем масштабе, прекратить биение одного огненного сердца, конечно, не составляет ничего необыкновенного.

Вед не постеснялись-же они задушить свободу Грузии, утопив ее в крови ея лучших сынов!

Но гнуснее всего то, что для усыпления общественного мнения, они толкнули на преступление жалкого ренегата, воспользовавшись скудоумием его. Возможно даже, что этот презренный убийца завтра, на суде, примет на себя всю вину совершенного им злодеяния, и, скрыв от глаз человечества истинных вдохновителей убийства, совершит этим самым новое гнусное преступление.

Грузинская история полна трагедий. . В течении ряда веков грузинские матери показали свою необыкновенную силу, принося на алтарь свободы самые дорогие жертвы — своих сыновей. И пока свобода Грузии не возродится вновь, жертвы эти не прекратятся, и многие еще последователи Рамишвили будут оплакиваться грузинскими матерями.

В нашей истории, в истории Кавказа, мы очень часто встречаем такие драмы и они являются наивысшей наградой на пути борьбы за освобождение отечества. Смерть для Рамишвили не была неожиданностью, он к ней готовился и, подобно древним героям, готов был положить во всякое время свою жизнь во имя исповедуемой идеи.

Уже 18-летним юношей, на скамье семинарии, он ощущал раны страдающей Родины и тогда-же принял активное участие в политической жизни. Но для его великого духа границы его Родины были слишком узки, — он болел за все человечество. Озаряемый светом романтического социализма он стремился на широкую арену общественной деятельности; он искал источник, чтобы пить из него и утолить свою жажду.

Россия — родина абсолютизма, бюрократической рутины и анархии. Чтобы освободиться от их губительного влияния

и стать реальным и активным политиком, нужно иметь железный характер. Доктринерство и романтизм, превалирование абстрактных идей над реальными требованиями действительности являлись отличительными признаками общественно-политической жизни на пространстве от Балтики до Камчатки и нужно было иметь индивидуальность Рамишвили, чтобы не поддасться общему течению и оставаться до конца реалистом.

В жизни Рамишвили был в полном смысле слова аскетом, держась совершенно в стороне от всех соблазнов и удовольствий тленного мира. Если мы семь часов в сутки отсчитаем для его сна, то можем быть уверенны, что остальные 17 часов он проводил в неустанной работе. Среди грузинских меньшевиков Рамишвили являлся великим организатором. В 1905 году он проявил себя, как великой силы революционер. В 1917 году он принял на себя не только львиную долю работы в партии, но и задачу создания грузинского государства, будучи в то-же время главной опорой нации.

События 1921 года явились в его жизни поворотным пунктом. Еще не совсем успело появиться на небосклоне давно закатившееся солнце свободы Грузии, как грозовые тучи красной бури начали обволакивать его сияние и заставили вторично померкнуть. Покойный Рамишвили понял в этот момент, что гибнут многолетние усилия, мечтания долгих лет. Он увидел, что шумное, широковещательное доктринерство не только не принесет никакой пользы Грузии, но и погубит ее в страшном водовороте событий. После так дорого стоившего опыта, он почувствовал решительную необходимость вернуться к чисто-национальной платформе.

И последние 9 лет, когда он, в качестве защитника прав своего народа, от имени Грузинского Национального Правительства работал в тяжелых условиях эммигрантской жизни, составляют самый ответственный период в его жизни.

И здесь, пусть товарищи по партии обвиняют его в национализме, а националисты — в интернационализме, мы, все-же, должны признать, что Рамишвили шел твердыми шагами по пути об'единения Кавказа.

Как и все люди дела и воли, Рамишвили по природе был сух. Но, не взирая на это, каждый сознавал, что он являлся вдохновителем и двигателем как на партийном, так на грузинском и общекавкасском фронтах. Его неисчерпаемая, неослабная энергия утомляла друзей и сбивала с ног врагов.

Большевики, убив Рамишвили, конечно, нанесли большой урон делу об'единенной борьбы, но, однако, удар этот не есть

смертельным. Рамишвили нет, но есть „рамишвилизм“ — секта, воплотившая в себе все то, чем жил покойный. И она, это наследие духа покойного, не остановится на пути борьбы, до окончательной победы.

Если прежние условия выковывали натуры, подобные Рамишвили, то нынешняя действительность должна создать еще более сильных людей. Если гибель великого грузинского патриота замедлила ход событий, то остановить его она не может. Час избавления наступит и идея, которой поклонялся Рамишвили, воплотится в жизнь. Это непреложная истина, естественное заверение надвигающихся событий.

Саид Шамиль.

По поводу одного спора *)

С некоторых пор Потресов и Дан ведут спор между собой о Грузии. Начало этому спору положил инцидент между Даном и Церетели, имевший место на одном публичном собрании, где первый упрекнул второго в работе на расчленение России. Церетели почувствовал себя оскорбленным и поведал о том Потресову. Последний взял сторону Церетели, Дан же заупрямился, и завязалась продолжительная полемика. Маленький инцидент превратился в обстоятельный спор по национальному вопросу во всем об‘еме; сказано было много интересного, о чем раньше умалчивали; обнаружилось истинное лицо некоторых участников спора, раньше представлявшееся неясным, раскрылись скобки. Одним словом, спор дал не мало сюрпризов.

В чем же дело? почему русские товарищи так о нас беспокоятся?

Разделяют их — вопросы политические и социальные, проблема советского строя и его ликвидации. Но их об‘единяет вопрос национальный, проблема освобождения нерусских наций и устроения их отдельными государствами.

В области спорных вопросов мы наблюдаем два основных течения: по мнению Потресова и Керенского большевистский режим хуже всякого другого, и поэтому его разрушение и замена

---

*) Настоящая статья была напечатана в № 6 „Эхо Борьбы“ — органе грузинской социал-демокр. партии. Статья была без подписи и выражала мнение официального руководства груз. соц. демократии по вопросам идеологии и тактики, которых придерживается партия; одновременно статья содержит ответ на те обвинения, которые пред‘являются к груз. соц.-дем. партии некоторыми кругами русской социалистической общественности. В виду ея интереса и для горцев, редакция журнала воспроизводит ее в русском переводе.

другим строем, каков бы ни был последний, совершенно не означает движения назад, перехода к худшему. Дан и его группа полагают, что советский режим хуже демократического, но за то всякий другой режим стоит ниже его, поэтому необходимо не разрушение существующего строя, не революция, которая кто знает что даст, но постепенное перерождение его, реформы, ведущие к господству демократии.

Этим двум противоположным течениям мы противопоставляем третее, — взгляд груз. соц.-демократии на этот предмет. По нашему мнению, большевистский режим хуже всякого другого, это — неприкрашенная тирания. Потресов тут прав. Но этот режим таит в себе возможность замены его народным режимом, установления на его месте политической и экономической демократии и достижения национальной свободы. Все остальные режимы пресекают эти возможности, отбрасывают нас назад к пройденным этапам, вынуждают начать борьбу сначала, как будто ничего не произошло, как будто мы не переживали трех революций. Мы предлагаем, не движение назад, не реставрацию, а движение вперед, к новым народно-политическим формам.

Позиция Дана — это полное недоверие к народу. Он боится, что сорвавшийся народ разрушит страну. Он не защищает диктатуру, но не может защищать и „начатое крестьянское восстание", ибо оно приведет нас к контрреволюции. Слабая сторона мышления Дана состоит в том, что он не дает никакого тактического выхода народному недовольству, не стремится поставить движение под свое знамя, придать ему определенную политическую окраску и тем стать его руководителем. Дан заранее отчаивается в этом движение; он видит в крестьянстве контрреволюционную армию и не хочет связаться с ним, чтобы не замарать рук. Правда, такого взгляда на крестьянство соц.-демократия не разделяет ныне нигде, даже в консервативных и мелкособственнических странах. Но русские меньшевики застоялись на старом завете, раз навсегда затвержденном псалтыре и не могут с ним расстаться.

Позиция Потресова более реалистична и антиутопична. Но и она достаточно начинена политическим квиэтизмом. Раз для него безразлично, или почти безразлично, чем кончится большевизм, лишь бы он кончился, борьба упрощается. Будет демократия — прекрасно, но, если ея и не будет, мы все же остаемся в выигрыше.

Как видите, у русских социалистов много спорного между собою, расхождении среди них значительны, что способствует

их бездействию и загоняет их в тупик, но все это, так сказать, спор домашний, внутренняя политика, где конечно допустимо разномыслие.

Зато, все эти антагонисты в своем кругу, об'единяются во внешней политике, занимают одну национальную позицию и обращают против нас, груз. соц.-демократии, единый принципиальный и политический фронт. Все они, Потресов, Дан, Керенский и др., защищают целость России, оставление в ея пределах нерусских наций и сохранение в той или иной форме верховенства русского народа. Национальный момент об'единяет всех их как между собой, так и с русскими либералами и вообще со всяким русским. Это чисто русская позиция. Вот почему освобождение народов в пределах России считается для этих социалистов ругательным лозунгом, которым они даже друг друга угощают. По мнению Дана, Церетели работает на расчленение России, по мнению же Потресова — „реформисты диктатуры могут оказаться, хотя и невольными пособниками сепаратизма — распада России". („Дни" № 82).

А. Керенский, ведь, и Сталина об'явил пионером этого расчленения. Выходит, что все эти почтенные московские патриоты и борцы за единую и неделимую Россию невольно расчленяют ее. Сказано: гони природу в дверь, она войдет через окно. Против „расчленения" борются все эти многочисленные вояки, но все же этот вопрос неотступно носится перед ними, поражая их своей силой. Они его не признают, поварачиваются к нему спиной, но в тоже время, оказывается, что они же сами на него работают.

И этой принципиальной позиции Дана — Потресова — Церетели мы противопоставляем наш национальный принцип. Мы говорим, что революционные бури, пронесшиеся над Россией, пробудили нации, привели их в движение, устремив их к собственным очагам. Эта непреодолимая историческая стихия подобна национальному движению других стран, которому никакая сила не в состоянии закрыть пути развития. Следовательно, признание этого явления, безболезненное урегулирование его и установление между нациями мирных взаимоотношений на началах равноправия и свободы — вот насущная проблема.

Замалчивать эту проблему и скрывать ее под покровом общих фраз, это значить оторваться от жизни, стать в стороне от советской действительности.

Эта принципиальная скудность прикрывалась эмпирическим методом. Русские социалисты говорили: независимость Грузии мы признаем, только требуем оставить в покое другие нации.

Этот беспринципный эмпиризм некоторые наивные грузины — соц.-демократы принимали на веру и оспаривали нашу позицию. Не наше дело вмешиваться в азербайджанский и украинский вопросы, удовлетворимся нашей страной и мы достигнем цели при помощи русских товарищей — говорили они. Целость России, независимость Грузии — вот позиция этой группы. Так Потресов обрисовывает Церетели. Вот эту концепцию и основанные на ней надежды разрушил полностью Дан. По его раз'яснению, выделение даже одной страны означает, отчасти, распад России, так как при современных исторических условиях независимость Грузии возможна лишь при одновременном об'явлении независимости Азербайджана, Армении и Украины. („Соц. в." № 7).

Он теперь лишь понял то, что мы давно понимали, а именно: решение грузинской проблемы при помощи внутренних революционных сил советского союза не мыслимо в сепаратном порядке, при условии пребывания других народов в рабстве. Маленькой Грузии не под силу тягаться со ста сорока миллионным народом России.

Потресов не приемлет новой позиции Дана и ей противополагает старую утопию — единая Россия, независимая Грузия. Он с документом в руках доказывает, что Дан переменил позицию, повернулся спиной к Грузии, отрекся от вчерашнего, словом отступил в груз. вопросе. В ответ на это Дан отступает еще дальше и утверждает, что никогда ни его партия, ни интернационал не требовали независимости Грузии („Соц. вест.").

Таким образом, в глазах меньшевиков Грузия ныне низведена к уровню Идел—Урала или чувашей, вотяков*). Они самоопределение требуют для всех этих народов, но это самоопределение должно проявиться в укреплении единства России на федеративной основе.

Таким образом, откровенное признание Дана раз навсегда ставит нас в известность, что грузинский вопрос вычеркнут из порядка дня его группы и что он и его товарищи переметнулись в стан Керенского. В споре между Даном и Потресовым Керенский занимает сторону первого и повторяет его слова: „в современных исторических условиях, до установления в России демократического строя, всякая борьба за отход от России

---

*) В данном случае мы не может согласиться с уважаемым автором. Идел-Урал—политический восприемник традиций Золотой Орды—в наше время явился пионером прогрессивных течений во всем мусульманском мире и его значение несравнимо со значением народов и племен, не выявивших, или-же едва начинающих себя выявлять политически и национально. **Редакция.**

есть ставка на ея распад". — („Дни" № 85). Подобную-же мысль высказал Милюков на банкете по поводу десятилетия его газеты в обращенной к Хатисову речи. Русские меньшевики дановского клана с развернутым знаменем примкнули к лагерю империалистов и их национальный лозунг сделали своим. Но, когда они желают в этом своем отступлении потащить за собой интернационал, украшая русский империализм знаменем интернационала, мы должны крикнуть им — извините, говорите лишь о себе. Все принятые интернационалом и его секциями резолюции о Грузии подразумевали восстановление ея независимости и никому в голову не приходило требовать ея федеративного воссоединения с Россиею. Такое требование было бы и большой нелепостью, ибо и без того Грузия считается федеративной частью советского союза. В этом случае вопрос шел бы не о суверенных правах груз. нации, а лишь о демократизации сов. союза, благодаря чему тираническая федерация советов превратилась бы в демократическую федерацию. И если рядом с этими демократическими требованиями выдвигают требования национальные, суверенность нации — ясно, что подмена этого требования демократией и федерацией есть ничто иное как империалистический маневр. Интернационал в этом маневре неповинен.

Как видите, лидер русских меньшевиков дал довольно широкое раз'яснение. В национальном вопросе мы с ним не спорим, как не спорим с Милюковым и Керенским. Это — их национальная позиция, мы же должны иметь свою. Судьей между нами явится история, развитие реальных взаимоотношений. Но, когда явный империализм облекают в мантию социализма, подобно тому как пытаются выдать большевистскую тиранию за социализм, иначе говоря, когда совершают фальсификацию социализма во славу „единой России", мы не можем не выйти на защиту великого освободительного знамени пролетариата и не вывести фальсификаторов на свежую воду. Мотивы отступления Дана — интересы рабочего класса и революции — шиты слишком уж толстыми нитками. Во время кризиса диктатуры ни одна народность, и в том числе Грузия, не должны самоопределиться в форме независимости, так как такое самоопределение льет воду на мельницу контр-революции, учит нас автор. Совет весьма выгодный для империалистов. Когда же мы должны освободиться, как не во время кризиса? — не тогда ли, когда пройдет кризис и утвердится сильная централистическая власть. Все нации освобождаются как раз в эпоху кризиса; завершения его не ждали ни Польша, ни Чехо-Словакия, ни балтийские

страны, ни мы. В самый разгар февральской революции под водительством социалистов Финляндия об'явила свою независимость. И если бы освобождение нации порождало контрреволюцию, то она давно торжествовала бы во всех тех государствах, из которых выделились нации, например, — Германия, Австрия, Турция, Россия. Корни контрреволюции таятся во внутренних социально-политических условиях данной нации. Если эти условия в русском народе благоприятны для контрреволюции, торжество реакции неизбежно. Как раз это и доказывает Дан во всех своих писаниях, пророчествуя торжество бонапартизма и фашизма. В этих условиях всякий истинный демократ и социалист сказал бы, что, по крайней мере, иные нации должны спасти себя и приобщиться к демократии. Дан советует нам остаться в омуте этой контрреволюции, подчиниться московскому бонапартизму. Т. е. русский национальный момент он ставит выше социально-политического, подчиняет ему. А мы вместе с Каутским говорим, что независимость Грузии означает несомненное торжество демократии, спасение от контрреволюции, иначе говоря, тут национальный момент подчинен социально-политическому, он является руслом народного строя. Позиция Дана националистична, а национализм господствующей нации — это империализм. Наша позиция социалистична и демократична, освобождение угнетенной нации — явление прогрессивное.

Таким образом, Дан и его сторонники борются, правда, с реставрацией в области внутренной политики, но совершенно не борятся с нею в области внешней. Напротив, единство России такой же лозунг для них, как и для всех других русских партий. И так как момент внешней политики превалирует над внутренней, ясно, что у Дана мало спорного с Керенским, Потресовым, Милюковым и другими, помимо, разумеется, простой словесности. Мотивы, соображения у каждого из них свои, но главное — практическая национальная политика —и здесь между ними нет никакой разницы. Поразительно, что они не смогли возвыситься до национальной политики даже английской буржуазии и не могут решиться признать за угнетенными нациями, по крайней мере, права доминионов.

Не думаем, чтобы русский социализм исчерпывался Керенским и Даном. Нет сомнения, что появятся новые и скажут новое слово. Это случится не здесь, в изолированной эмиграции, а, там, в российской действительности. Общий язык между русской и нерусскими нациями будет найден там в период борьбы.

„Социал-великодержавники"

„Самоуправление всегда лучше всякого управления".
(Профессор Пирсон).

Вспышки великодержавного шовинизма, особенно усилившиеся в последнее время в царстве Сталина, невольно заставляют нас разобраться во взрывах аналогичних настроений, которые здесь в эммиграции наделали столько шуму. Уже в позапрошлом году „проклятый" национальный вопрос был предметом жесточайшей дискуссии, заставившей ему уделить не мало страниц в соответствующих органанах печати и даже посвятить отдельные брошюры. Заинтересованность этим вопросом у русских политических деятелей дошла до того, что он, зачастую, заставляет их забывать об иных, казалось-бы не менее злободневных для них вопросах, и возращаться к нему. Вот что, например, пишет г-н „Современник", таинственный резонер из „Дней" („Дни" 27.VII.1930 г.), касаясь одного из очередных „собраний" названного журнала: „При обсуждении „Политических выводов из пятилетки" один из оппонентов коснулся национального вопроса, и все последующие ораторы уже до самого конца, вплоть до заключительного слова докладчика, уже не сошли с него".

Словесная и бумажная „война", которую ведут между собой, якобы, разно смотрящие на разрешение национальной проблемы русские, главным образом „либеральные" и „радикальные" течения, не должна пройти незамеченной мимо нас. „Баталия", хотя-бы даже и показная, но в которой участвуют Дан, „верховный главнокомандующий" А. Ф. Керенский, отчасти П. Н. Милюков, и др. должна нас заинтересовать, ибо в этом милом „семейном споре" пытаются разрешить и нашу судьбу, затрагивают вопросы, интересующие нас, пожалуй, более чем их.

Среди участников этой шумной дискуссии были лица, которые пытались будто найти в этом вопросе безболезненные для целости России компромиссы, кто просто вилял, но некоторые довольно определенно выразили свое истинное отношение к волнующему вопросу.

— Интересы маленькой нации — это интересы „кавкасской колокольни" — говорит, например, А. Потресов*). Госпожа-же Скобцова**) уподобляет все окраины России той „герани", которая должна украшать „широкий русский сад", цинично не нахо-

*) „Дни" 10 I.1928г.
**) „Дни" 9.III.1928 г.

дя этим окраинам никакого другого назначения. А если этот „широкий русский сад“ превратился в смрадное свалочное место, то, очевидно, госпожа Скобцова рекомендует этой „герани“ просто зачахнуть, не ища более здорового воздуха.

А. Н. Потресов, видимо, под влиянием своей социалистической совести подошел было к этому вопросу так, что-де Кавказ, как „инородное тело”, имеет право на самоопределение, но, потом, спохватившись, поправился и заявил, что, все-же, нельзя делить Россию, ибо это значило-бы „с большой арены вернуться вспять в стоячее болото мелкогосударственного провинционализма”.

Господам Потресовым, видите-ли, для их политического клоунства понадобилась большая арена, а мы, малые народы, во имя этого должны отказаться от своих священнейших прав и смотреть в середину арены, восторгаясь их кривлянием.

* * *

Марсельский конгресс Социалистического Интернационала, разбирая национальный вопрос в послевоенном мире, вынес нижеследующее решение: „Рабочий социалистический интернационал отстаивает право на самоопределение народов, угнетенных на основе трактатов, заключенных с 1918 года, и решений конференции послов, так-же, как для тех народов советского союза, которые достигли своей независимости в период революции.“. За эту резолюцию, несомненно, голосовала и русская часть Интернационала, при чем эс-еры даже расширили ее, внеся собственную поправку, гласящую — „безоговорочное признание всех вновь образовавшихся государств, как тех, которые пользуются ныне независимостью, так и тех, которые лишились ея под давлением внешнего насилия”. Итак, русские социалисты подписались обеими руками под этой резолюцией, но, очевидно, потом у них заговорила великодержавная совесть и они открыли поход против Марсели. Правда, группа В. Чернова продолжала оставаться верной этому постановлению. Эта „разновидность“ эс-еров заговорила о том, что право на самоопределение должно быть чуть-ли не даровано великодушной волей господствующей нации. Социал-демократы-же всякое стремление к независимости об‘явили прямо-таки буржуазной тенденцией; г. Абрамович прямо так и писал:*) „Сколько наций, столько отдельных государств — признак буржуазии“.

Эта точка зрения диктует и соответствующую тактику. Русские социалисты признают лишь свои методы борьбы

*) „Дни“ 2.IV.1928 г.

с большевиками и проявляют то открытую, то замаскированную боязнь за целость России. А. Н. Потресов боится, как-бы наши „приходские“ интересы не помешали „хорошо устроиться большому народу“*). С другой стороны Ф. Дан**), раскрывая (по своему, конечно) смысл резолюции Интернационала, советует: „Отложить конкретное разрешении национальных проблем до создания атмосферы демократической“, ибо, якобы, не будет забыто то, что „Социалистический Интернационал с полной категоричностью признает за всеми нациями Советского Союза право на самоопределение — вплоть до отделения“. Г-н Дан, оказывается, лучше разбирается в наших возможностях, чем мы сами, ибо предупреждает нас, что „реализация права на самоопределение будет действительно возможна лишь в обстановке утвердившейся на пространстве Советского Союза демократии“

Конечно, у г. Дана явный расчет на то, что в условиях демократии у всех „изменников“ отпадает охота отделяться, — наступит, видите-ли, такой рай, что всякие перспективы самостоятельной жизни вне русской демократической республики для иных народов покажутся уже адом. „Герань“ снова удостоится быть украшением „широкого русского сада“, в котором с прежним удовольствием будет прогуливаться г-жа Скобцова.

Расчет этот был-бы правильный, если бы он не был таким наивным. Кто следил за шумной полемикой по национальному вопросу, тот помнит те расхождения, которые обнаружились по этому вопросу среди русских социалистов, даже в пределах одной и той-же „разновидности“. Но если глубже всмотреться в эти расхождения, то станет ясно, что они чисто поверхностные, касаются, главным образом, формы, а не сути дела. В основе русские социалисты единодушны — они не допускают никаких покушений на целость России в ея настоящих границах и одинаково старательно облекают свои великодержавные тенденции в ризы демократии и социализма.

Не будем говорить о том, насколько исчерпывающе резолюция Соц. Интернационала разрешила национальный вопрос в данном случае. Мы можем лишь выразить свое удовлетворение по поводу того, что решение его в известной своей части разделяет безудержное стремление не-русских наций — отделиться от России. Русские-же социалисты впадают в истерику, когда мы резолюцию Интернационала понимаем так, как понял бы ее всякий здравомыслящий человек, а свою тревогу за

*) „Дни“ 10.I. 1928 г.

**) „Социал. вестник“ 31.V.1930 г.

целость России стараются прикрыть боязнью контр-революции, анархии, бонапартизма и т. д.

Когда г. Дану было указано на то, что он на докладе в Париже („Судороги большевизма") сказал: „Провозглашение независимости одной страны равносильно до известной степени распаду России", он уже не пытался оправдываться, и развил свою мысль далее („Напрасные старания"—„Соц. вест. 12.IV.30), говоря: „Я мог бы согласиться на то, что в наличных исторических условиях независимость Грузии вообще возможна лишь при одновременном провозглашении независимости Азербайджана, Армении, Украины и т. д.") точно остальные перечисленные народы не хотят независимости, и это обстоятельство мешает господину Дану вынести свое определенное решение по вопросу о Грузии. Иначе говоря, Ф. И. Дан в вопросе о самостоятельности каждого из этих народов в отдельности всегда скажет свое — против, но он и против отделения их от Росссии всех вместе и одновременно, а если не против, то он действительно начинает уже говорить языком „прометеевских националистов", как замечает г. Потресов.

Г-н Дан не договаривает и виляет. Ведь не кто иной, как сам он в 1923 году на с'езде об'единенного Интернационала голосовал за резолюцию, требующую эвакуации советских войск из Грузии и восстановление суверинитета грузинского народа; то-же самое было постановлено и Ц. К. социал-демократической партии еще в прошлом 1929 году.

Едва-ли „сердце красавицы" может быть так „склонно к измене и перемене", как сердце г-н Дана...

Социалисту Абрамовичу не нравится борьба с большевиками путем вооруженных восстаний, террора и т. п., а В. Чернов просто осудил грузинское восстание, очевидно только потому, как полагает Н. Жордания, что оно было грузинским. Итак, все что угодно, только не вмешательство в дела Советского Союза, ибо последний, как ни как, отождествляет Россию. Както Пушкин в своем послании к кн. Вяземскому писал: „Я презираю свое отечество с головы до ног, но мне всегда досадно, когда иностранец — разделяет мои чувства". Очевидно тем-же чувством руководятся и г.г. русские социалисты, когда не позволяют „инородцам" выразить свое отношение к России, да еще таким радикальным способом, как восстание. Г-н Сухомлин по поводу нашумевшего письма Ноя Жордания на имя И. Карцивадзе возмутился тем, что Н. Жордания вмешивается в „руские дела".

Таким образом, в лице русских социалистов мы видим вер-

ных стражей „интересов“ гипертрофически разросшейся России; они пытаются замаскировать свои чувства и намерения плащем социалистической терпимости, но, когда действительность диктует им необходимость высказаться, они обнажают свое настоящее лицо. Тогда все „русские и российские демократы и социалисты“ проникаются „национальной тревогой“ и считают ее „совершенно естественной и законной“*).

Нам эта „вполне естественная и законная национальная тревога“ русских социалистов и демократов должна сказать многое. Мы не должны доверчиво соприкасаться с теми людьми и группами, партийность которых, казалось-бы, не должна вызывать опасений. Наши народы хотят свободы и нам совсем не следует убеждать их в том, что Дановский „поток социалистического строительства“ будет слаже Сталинского, тем более, что г.г. Даны всем своим поведением свидетельствуют о том, что ничего к лучшему они не изменят.

Коста.

Большевики в Персии

Еще до Великой войны экономическая связь Персии с Россией была бесспорным фактом, закрепленным рядом договоров международного характера. Все продукты Персии: хлопок, шерсть, шелк, рис, сухие продукты, ввозимые через Баку и Тифлис в Россию, продавались частью там, а частью транзитным путем в Европу. Естественно, что в этой экономической связи первую роль играло Закавказье и, отчасти, Закаспийский край. Тавриз был более связан с Тифлисом чем с Тегераном; Энзели и Решт находились под исключительным влиянием Баку, и вся Гилянская область вывозила свой продукт туда-же; Хороссанский вилайет был в постоянной связи с Асхабадом, и далее товары из Афганистана и Индии шли через Хорассан в Закаспийский край. В Гилянистане имелись фактории азербайджанских купцов, в Тифлисе и Баку имелись торговые дома персидских купцов, делавших большие торговые обороты; в частности, в Баку насчитывалось несколько тысяч персидских купцов, в виду того, что главным связующим началом являлось Каспийское море и, следовательно, бакинский порт.

Главные продукты Персии, хлопок и рис, ввозились через Каспийское море. Хлопок шел на нужды русских мануфактур-

---

*) А. Ф. Керенский, „Сепаратизм и И. Г. Церетели“, „Дни“ № 27.

ных фабрик. Рис-же ввозился в Баку в неочищенном виде, подвергался обработке на рисоочистительных заводах, а затем посылался в Центральную Россию или заграницу.

Одним словом, коммерческая связь Северной Персии с Россией была в цветущем состоянии, и многие персидские купцы в результате этой связи составили крупные состояния. Особенной интенсивности эта связь достигла во время Великой Войны.

Вся эта картина совершенно изменилась с приходом к власти большевиков. Большевики разорили и уничтожили не только всю русскую экономику, но и нанесли чувствительный удар персидской торговле. Сейчас-же после того как большевики окрепли и почувствовали возможность действовать вне России, в первую-же очередь они устремили свое внимание в сторону Персии и, наряду с желанием распространить в Персии свое политическое влияние, они старались приобрести и экономическое влияние. Как марксисты, они придавали первенствующее значение экономическому началу, так как оно является базой политического могущества современных культурных государств. С этой целью, они организовали во всех крупных центрах Персии банки, имевшие задачей монополизировать всю торговлю Персии не только с Россией, но и с Европой.

Банки эти ввозят в Персию товар, который продают исключительно на иностранную валюту, персидские-же купцы, которые хотят поехать в Россию для покупки товара, вынуждены и обязаны покупать через эти банки русский червонец по официальному курсу, около 125 франков, тогда как на свободном рынке этот червонец котируется около 40—45 франков. Помимо этих банков, большевики образовали ряд советско-персидских предприятий, но предприятия эти являются „персидско-советскими“ только на словах; на самом-же деле, хотя туда для вида и входят персидские граждане, фактическими хозяевами их являются большевики. Предприятия эти захватили в свои руки всю Северную Персию, продавая товары ниже всех остальных и даже часто ниже себе-стоимости, с целью, с одной стороны, совершенно уничтожить конкурренцию европейских или местных купцов, с другой стороны, добывать таким путем валюту, так необходимую Москве. Таким образом, они являются господами положения и фиксируют рыночные цены во всех крупных центрах Северной Персии.

Не нужно упускать из виду, что частная торговля в России не существует. Вся внешняя торговля монополизирована в руках государства, поэтому большевики ввозят в Персию и вывозят из нея товары и устанавливают на них цены по свое-

му произволу. Это положение становится вполне ясным, когда мы примем во внимание, что самым кратчайшим и удобным путем в Персию является путь через Россию. Поэтому персидский купец, который захотел-бы самостоятельно вести торговлю, должен был-бы, либо сам повезти товар в Россию, либо, минуя Россию, связаться с Европой. В первом случае он оказывается в совершенно невозможном положении, так как благодаря монополии торговли в России, он имеет единственного покупателя — комиссариат торговли, который будет ему диктовать цены; мало того, если он продаст товар, он должен будет получать рассчет червонцами, по паритетному курсу, тогда как настоящий курс его на 70% ниже. Если-же он захочет связаться с Европой, то он, или должен везти свой товар, минуя Россию, через почти половину земнаго полушария, либо-же должен провезти его транзитом через Россию. В этом последнем случае, несмотря на то, что и Персия, и ряд европейских государств имеют торговые договоры с СССР, товар либо пропадает, либо большевиками задерживается так долго, что портится. Таким образом, Северная Персия не только стала фактически „хинтерланд'ом" Советской России, но почти находится во власти ея каприза, ибо большевики являются господами положения. Персидское правительство бессильно бороться с этим положением, и общественное мнение Персии взволновано и настроено против советов. В персидских газетах, свободных от большевистского влияния, появляются резкие по адресу Москвы статьи.

Если царская Россия до войны старалась распространить свое влияние на Северную Персию, то это носило исключительно политический характер; в вопросы товарообмена между Россией и Персией оно не вмешивалось и коммерческие сношения имели свободный характер. Большевики, так резко критиковавшие империалистическую политику царскаго правительства, на деле действуют гораздо хуже — они проявляют экономический империализм, худший из всех видов империализма. Последствием этого экономического империализма является обезкровление и экономическое разорение Северной Персии. Что-же касается политических их действий, то достаточно напомнить появившиеся за последнее время в „Последних Новостях" разоблачения бывшего чекиста Агабекова, из которых видно, с каким цинизмом подкупаются и развращаются крупные персидские чиновники, вскрывается дипломатическая почта иностранных государств, узнаются государственные секреты Персии и вся Персия окутана паутиной агентов Г.П.У. и провокаторов. Если персидский народ хочет сохранить свою тысяче-

летнюю культуру, традиции и базы своей государственности, он должен бороться с разрушительной силой, протягивающей с севера свои щупальцы с целью захватить и задушить Персию.

Д-р Мир-Якуб.

Оборона Салты

(Окончание)

С занятием неприятелем двух упомянутых высот, начинается третий период борьбы — непосредственная оборона самого укрепления. Отрезанное от внешнего мира, оно береться в железное кольцо и в продолжении двух суток подвергаеться новой беспрерывной бомбардировке из всех батарей. Последовавший за этим неудачный штурм 8 баталионов, принесший колоссальные потери, вновь показывает противнику, что, придерживаясь правил ведения войны, ему не одолеть укрепления. Тогда он идет на варварское средство — отравляет воду, коей пользовался осажденный гарнизон. Откровенно и цинично враг признает, что только голод и жажда явились причиной падения Салты, и, еслибы не это, могла-бы повториться история под Гергебилем.

В неоднократно цитируемом нами источнике (Кавк. сборник том VI 1882 г.) мы читаем следующее: „Против таких двух противников, как голод и жажда бороться весьма трудно. Если бы не удалось нам воспользоваться этими двумя условиями, то при том безтолковом упрямстве и при вполне геройской защите, которые выразили горцы, неизвестно, что моглобы случиться".

В приказе-же по отдельному кавкасскому корпусу от 23 сентября 1847 г. пишется:

„Порча воды имела важное влияние на положение гарнизона и много содействовала к овладению аулом".

Стойкость и мужество гарнизона были беспримерны.

„Несколько раз разбитый и побежденный в поле — читаем мы все в том-же Кавк. сбор. — изуродованный внутри укрепления, он не только не думал о сдаче, но еще и постоянно нападал на нас-же. Осада, которую мы вели, была бы к лицу любой европейской крепосце, а между тем, она до сих пор,

как видно, немало не обезкуражила салтынский гарнизон;—такой стойкости и предвидеть было нельзя".

Таким образом, с 25 августа гарнизон продолжал обороняться, не имея ни продовольствия, ни воды. Многочисленные вылазки, изнурявшие противники и имевшие целью добыть провиант, кончались неудачей. Также не дали результата и попытки полевых войск снабдить продовольствием гарнизон. Но особенно мучила последний жажда. Гибель 78 человек, умерших в страшных мученнях от отравленной воды, заставила гарнизон перестать пользоваться источником, протекающим через аул.

В ночь с 1-го на 2-ое сентября Имам приказывает Хаджи-Мураду с 400 мюридов произвести налет на главный неприятельский лагерь и отвлечь внимание врага на себя. Одновременно ведется попытка снабдить гарнизон продовольствием. Маневр Хаджи-Мураду удается и в укрепление со стороны садов незамеченной проходит небольшая партия баранов, нагруженная мукой. Эта далеко не достаточная помощь сильно ободрила осажденных. С этого момента вновь усиливается активность обеих сторон и в деле начинают сново принимать участие наши полевые войска. Главные усилия последних сводяться к следующему: 1 — занять утраченные высоты и получить возможность вновь снабжать гарнизон провиантом и водой; 2 — постоянно тревожить главный неприятельский лагерь и тем деморализовать его войска. Если первое и не удалось, в виду значительности частей, занимающих высоты (3 батал. и 4 орудия), то второе выполнялось с успехом.

5 сентября Хаджи-Мурад с 400 мюридов обходит левое крыло неприятеля, спускается с Кудалинских высот, захватывает табун Акушинской милиции и атаковывает лагерь. Генералу Аргутинскому с трудом удается отразить атаку и водворить порядок в расстроенных частях. К этому времени неприятель вплотную подошел к укреплению. Все три башни и часть стены были разрушены. Батареи, подведенные к стенам укрепления, громили внутренность аула. Повторные атаки отбивались гарнизоном с колоссальным для неприятеля уроном. 9 сентября последнему удается занять южную стену укрепления, где он устанавливает 6-ти орудийную батарею и начинает громить впереди лежащие сакли. Сюда подтягиваются главные силы противника, готовящиеся к генеральному штурму. Все дальнейшие попытки неприятеля продвинуться до 11 сентября кончаются неудачей. Неприятель характеризует дни эти следующим образом: „Обороняющий ежедневно сам вступал в положение

наступательное и заставлял противника меняться с ним ролями".

Дни 11, 12 и 13 сентября ознаменовались новой канонадой всех неприятельских батарей по укреплению. Противник об этом факте пишет: „Батареи на крепостной стене еще с зарею открыли сильный огонь по внутренности аула, стараясь систематически разрушать одну линию траншейных построек за другою, а прочие батареи, находящиеся в лагере, и мортиры усердно поддерживали стремления новорожденных своих подруг".

Начальник гарнизона, предвидя генеральный штурм, производит перегруппировку своих сил. На главном участке ожидаемой атаки, под непосредственным своим командованием, сосредотачивает 210 чел. мюридов; в резерв под командою Ибрагима Карахского назначается 115 чел. Названная-же группа должна обеспечивать и фланги. Закарья Чохскому с 25 чел. инженерной команды приказывается привести в порядок, а отчасти и создать вторую оборонительную линию. Артиллерия крепости — т. е. 2 орудия, устанавливаются на картечь во второй линии сакель. Гарнизон, терпящий ужасающую нужду в провианте и воде уже в продолжении двух недель, твердо решил дать отпор противнику (из записок Идрис-Хаджи).

С рассветом 14 сентября штурмовые колонны, численностью в 6 бат. с 3 бат. резерва, под руководством ген. Аргутинского спустились со стены и приступили к атаке. Первые две колонны, состоящие исключительно из охотников, подошли к самым саклям, где были встречены залпом в упор и взяты в шашки выскочившими из ближайших сакель мюридами, числом до 100 человек. Последующие колонны, подталкиваемые с тыла новыми толпами, не выдержали убийственного ружейного и картечного огня второй линии сакель и хлынули вправо и влево. Только личное вмешательство ген. Аргутинского и введение в дело резервов установили в рядах противника некоторый порядок. К полудню врагом были заняты три отдельно стоящие сакли, вернее развалины сакель, — успех, стоивший ему нескольких сот убитыми и ранеными. Две неприятельских колонны (до 4-х рот), намеревавшиеся под прикрытием оврага ударить во фланг и тыл передовой линии сакель, неожидано наткнулись на мюридов Ибрагима Карахского, которые без выстрела с шашками на голо врезались в их гущу. Мало кто уцелел из этих рот, а мюриды, опьяненные ненавистью и только что одержанным успехом, вплотную подошли к неприятельским резервам. За-

стигнутый врасплох противник дрогнул. Ранение ген. Аргутинского еще более усилило замешательство. Штурм, продолжавшийся около 8 часов, кончился полной неудачей для неприятеля. В его руках остались только развалины упомянутых уже 3-х сакель. Потерял-же он в этой день около 2.000 убитыми и ранеными (из записок Идриса-Хаджи). Финал этой операции противник описывает так: „Частью под покровительством наших навесных выстрелов, и преимущественно без ответа на выстрелы неприятеля роты отступили, устлав свой путь убитыми и ранеными".

Не дешево далася и нам эта победа. Из 350 бойцов гарнизона мы потеряли 207 человек. Оставшиеся буквально падали от изнеможения. Начальнику гарнизона становилось ясным, что следующий штурм, неизбежность которого была очевидна, не с кем и нечем будет отбивать. Оставалось два выхода: или погибнуть в укреплении, обороняя его до последнего человека, или-же пробиться и с честью присоединиться к полевым войскам. На общем собрании гарнизона было принято последнее решение и в ту-же ночь, забрав с собою всех раненных, защитники оставили Салты. Под перекрестным ружейным огнем и картечи 3-х батарей, с пением священных стихов, доблестные защитники многострадальных Салты прорубаются к главным силам.

„Это был отчаянный взрыв последнего усилия, доказывающий полную решимость пробиться хотя-бы через весь отряд" — читаем мы у противника в описании этой вылазки.

И далее, там-же:

„Несмотря на то, что гарнизон оставил свой пост, за существование которого пролил так много крови и принес столько других жертв, он вышел из укрепления с честью и славой, защищая его до пределов невозможности".

Что-же нашел противник в оставленных Салтах? Предоставим вновь слово противнику, дабы еще более оттенить отчаянную решимость и самоотвержение гарнизона, заставившего даже врага описать события с так редкой для него правдивостью.

„Аул представлял какую-то обширную, вонючую, полуобгорелую и полуразрушенную гробницу. Многие подвалы были завалены полусгнившими трупами, доказывающими безусловную замкнутость гарнизона во время осады. Замечательнее

всего то, что, во первых, никому не пришлось видеть ни одного раненого, и, во-вторых, что ни в одной сакле, ни в одном закоулке нельзя было найти не только живности, но даже ни одной крупинки чего-либо с‘естного. Вообще, все говорило, что люди здесь отданы были на жертву, и приходилось только удивляться, как они столь долгое время терпеливо и покорно подчинялись своей участи, да еще и боролись с неприятелем много раз во всех отношениях сильнейшим“.

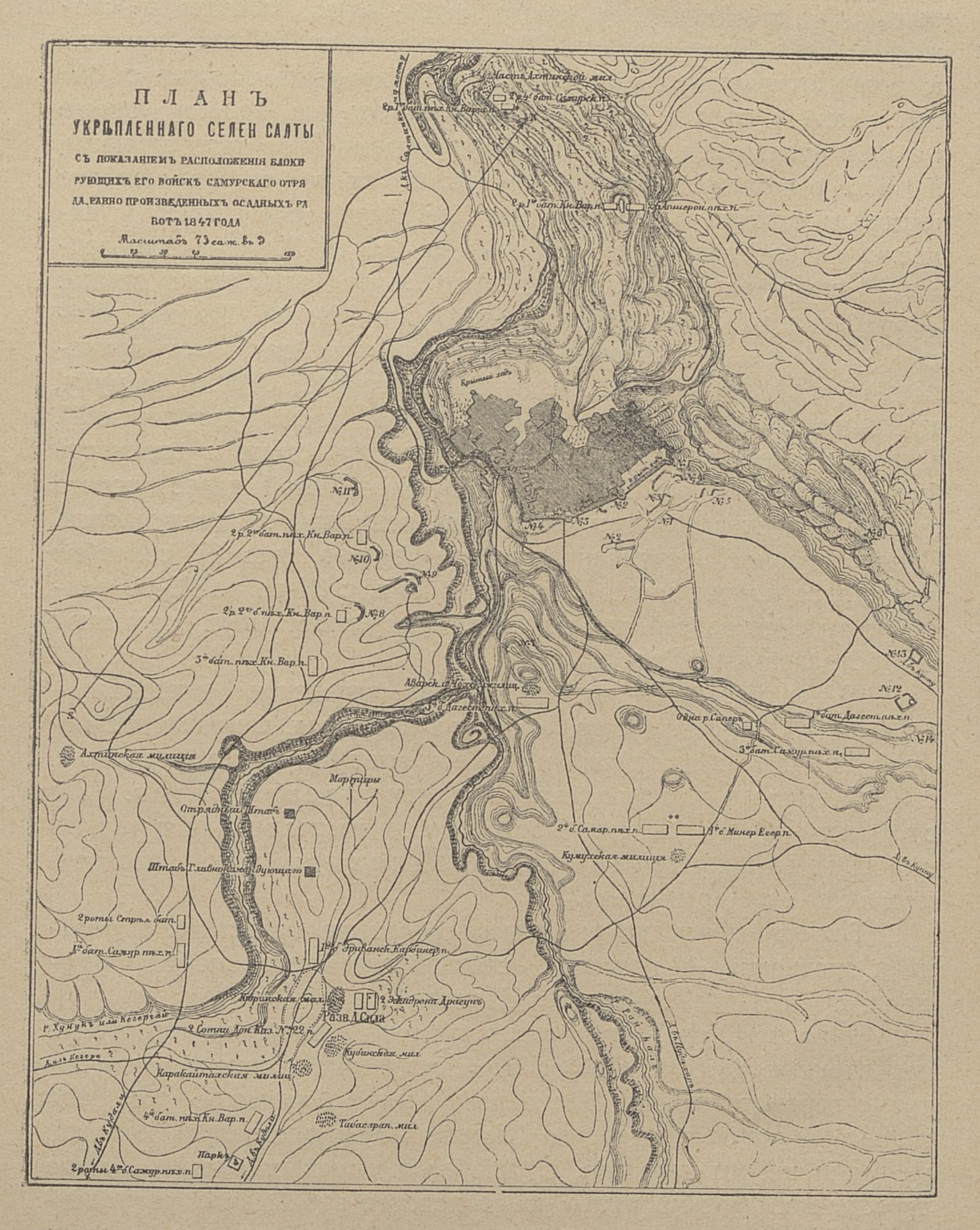
Так пал аул Салты.

* * *

Двухмесячная операция под Салтами закончилась занятием аула. Но эта кажущаяся победа досталась противнику дорогою ценою. Общее количество потерь (убитыми, раненными и пленными) исчислялось у него в 11750 чел. — наши-же потери доходили до 3127 чел. (из записок Идрис-Хаджи). За 2 месяца осады противник выпустил по укреплению до 50000 снарядов.

Но оправдала-ли салтынская операция возлагаемые на нее надежды? Достиг-ли неприятель основной своей задачи — нанести Имаму решительный удар и приступить к окончательной и быстрой ликвидации кавкасской войны? Нет — этого не случилось. Имам не был разбит и кавкасская война продолжалась еще 20 лет. Удовлетворено было самолюбие русского главнокомандующего, и то не на долго. Уже на второй день после занятия Салты противник сам оказался в нем на положении осажденного. Чутье военачальника подсказывало Имаму Шамилю необходимость окружения зарвавшегося врага и полного его уничтожения. Но громадное техническое (многочисленная и сильная артиллерия) и количественное превосходство русских сил заставляют Имама отказаться от дачи открытого генерального сражения и предпочесть метод постепенного окружения и изолирования отряда русского главнокомандующего.

С этой целью 11 сентября Имамом отдается следующая диспозиция: 1) Нур-Магомету с 200 чел. пехоты и 100 чел. конницы выступить из Согратля и занять Мегинский перевал с дальнейшим продвижением к Кумуху; 2) Магомет-Кади Андаляльскому с 250 чел. конницы, оставив против Дурчи-Дага 50 конных и 200 чел. пеших андаляльского ополчения, форсированным маршем перейти на Кудатлинские высоты и действовать совместно с Абакар-Хаджи на левом фланге противника; 3) Балаханскому наибу Муса Гитинау произвести с 200 конницы ре-

Настоящий план помещен в Кавказском сборн. том VI и сопровождает описание осады Салты русским офицером — участником событий.

когносцировку в сторону Шишилик-меэр и аула Оглы (в последнем противник сосредоточил огромные запасы провианта и снарядов); 4) Гергебильскому наибу Идрис-Хаджи выслать в сторону Ходжал-Махи отряд в 100 чел. пехоты и 100 чел. конницы до соприкосновения с противником; 5) Ахвердиль-Магоме с 350 чел. конницы занять Куппы и действовать на правом фланге и тылах противника. С остальными силами (500 чел. конницы, 450 чел. пехоты регуллярных частей, а так-же до 800 человек пешего и конного ополчения, при 2 орудиях) Имам, имея в качестве непосредственного помощника Хаджи-Мурада, производит 16 сентября демонстрацию со стороны Салтынского моста. Совместные действия флангов (Ахвердиль-Магома, Магомет-Кади Андаляльский и Абакар-Хаджи) и центра (сам Имам) приковывают противника на месте до 24 сентября. Угроза Кумуху, являющемуся базой самурского отряда (ген. Аргутинский), а так-же возможный захват Оглы с его складами, и опасность быть отрезанным от Темир-Хан-Шуры — базой дагестанского отряда — заставляют ген. Воронцова подумать об отступлении. Предполагаемое отступление, вернее бегство, днем 22 сентября не удается противнику. И только в ночь с 24-го на 25-ое сентября русские войска тайком, под прикрытием ночи, покидают многострадальные Салты.

„В полночь, — читаем мы во вражеском описании — с 24-го на 25-ое число, одна за другою, начали исчезать наши палатки; к трем часам, весь лагерь, с подвижными походными принадлежностями, был собран на вьюки, и войска немедля тихо двинулись на Цудахар. Когда они поднялись на высоты явился и неприятель“.

Так кончилась двухмесячная операция известная в реляциях противника под именем „славной салтынской победы русского оружия над скопищами Шамиля“.

Читателю предоставляется самому судить, на основании приведенных фактов, о боеспособности, дисциплине и патриотизме горских бойцов. Вся логика фактов говорит о том, что в лице мюридов государство Шамиля имело регуллярную армию, ни в чем не уступающую, а, наоборот, превосходящую армию противника. Весьма часто превосходство это бывало разительным. Вместе с этим, в нужную минуту и народное ополчение, созываемое под знамена, далеко не похоже было на „скопища“ русских реляций и с честью сражалось за правое дело плечо о плечо с регуллярными частями мюридов.

Полковник Хурш.

Очерки Республики Горцев Кавказа

ВВЕДЕНИЕ

(Продолжение)

Дабы полнее обрисовать величие духа свободы горцев, я не могу удержаться, чтобы не привести один случай из жизни Великого Имама.

Насколько сильно был охвачен идеей вольности великий герой Кавказа Имам Шамиль, показывает следующий эпизод, который выявляет обаятельной прелести личность его.

Во внутреннем Дагестане, в 25 верстах от Хунзаха, на левом берегу Аварского Койсу, в тесном ущелье Гатани-Кал (церковное ущелье), близ небольшого ручья лежала старая церковь, которая, судя по архитектуре, принадлежала к позднейшей эпохе. Кем, при каких обстоятельствах и когда она могла быть построена, — неизвестно, но, во всяком случае, теснота ущелья, приютившего в себе церковь, и скудость окружающей природы заставляют думать, что церковь не имела особого прихода — очевидно, кто-то, спасаясь от „великого русского народа", нашел гостеприимное убежище в твердынях родины горцев. Великий Имам Шамиль, года за три до прекращения им войны с русскими, разрешил каким-то четырем христианам поселиться в этой церкви, но, спустя несколько месяцев, двое из них на время отлучились в крепость Ведень, а другие двое неизвестно кем были убиты.

Известие это крайне огорчило Имама Шамиля и он строго предписал местному наибу отыскать виновных, что и было исполнено. Им было пред'явлено обвинение в издевательстве над свободой религиозных убеждений; их судили и они были казнены.

Тут нет места религиозному фанатизму! Предоставим слово историку: „Шамиль обладал страстным красноречием, в которое восторженно уходила вся его смелая душа и слово его действовало на сердца горцев, как небесный гром и молния.

Когда выходил Имам Шамиль к народу из совета старейшин, провожаемый своими любимыми мюридами, чтобы об'явить волю совета, шашки и кинжалы выхватывались из ножен и из всех уст приносилась горячая клятва непоколебимо стоять за

отчизну свою, без пощады истреблять нечистивых врагов своей воли.

Вообще в великом Имаме Шамиле воплотился весь суровый и мужественный гений горца, вся героическая слава и сила его, железная несокрушимость духа, поэзия войны и крови, упорный фатализм, полный таинственности.

Чтобы уразуметь нравственный и физический облик горца в его идеальной полноте, достаточно изучить жизнь одного Имама Шамиля.

Когда с голых плоскостей Гуниба или сказочной красоты Ведень спускалась на удалом кабардинце строгая и сухощавая плечистая фигура в белой чалме и черной черкеске, с ярко окрашенной в огненный цвет бородою Имама, окруженная такими-же суровыми, такими-же могучими мюридами, вооруженными до зубов, со значком в середине, провожаемая выстрелом пушки, благоговейно встречаемая народом, целующим полы одежд и руки своего великого Имама, — весь горский Кавказ с радостною гордостью глядел на вождя и героя своего, жил в нем своим сердцем и надеждами, весь Кавказ вторил думою мрачной воинственной песне, которую пел при каждом выезде своем на поход грозный Имам с своими отважными мюридами".

Борец за свободу — Великий Имам Шамиль — какой чудный неотразимый образ!

Я расстаюсь с тобой, великий горец, благородный герой воли гор Кавказа, гроза русских полчищ!

Вечная слава о тебе, Великий Имам Шамиль, ярким пламенем будет гореть в сердцах благодарного потомства!

Благоговейно и с умилением мы будем произносить имя твое, наш могучий вдохновитель!

Но вернемся к прерванной теме.

Каждый раз, когда приходится говорить или произносить имя России, чувство глубокого негодования охватывает каждого горца.

И сейчас, когда я пишу эти строки, мое воображение переносит меня на далекую родину—на величавый Кавказ, преисполненные жаждою мести сыны которого ждут, не дождутся дня боевой схватки с ненавистным врагом.

Со дня появления русских на исторической арене горцев, мы были лишены благотворного влияния свободного развития духовных сил страны нашей, а в последнее десятилетие находимся в каторжной тюрьме, переименованной в советскую Россию, где проявление свободной творческой мысли, как и прежде, душат сверхчеловеческими жестокостями; и у меня вовсе нет

ни слов, ни способов, чтобы передать читателю тот ужас, те чрезвычайно утонченные приемы для удушения народной воли, которые употребляются этими международными бандитами. И теперь, как и при царских опричниках, страна горцев стонет под русским сапогом, верховное владычество которого выражается в терроре, грабеже, удушении народной воли и самых элементарных прав человека.

Горцам никогда не забыть уроки прошлого и ужасы настоящего, когда русская „государственная“ власть в своей разнузданности приносила и приносит горцев в жертву неведомому богу, закрывая для них все возможности к светлому будущему, ограничивая наши культурные и жизненные потребности тем минимумом, который необходим извергам для проведения в жизнь своих гнусных мероприятий.

Горцы — потомки незабываемых героев славной борьбы за свободу и независимость страны своей, преисполненные светлым идеалом прошлого, найдут свое спасение в самоотверженной преданности и любви к родине и в той ненависти, какую сумел вселить в наши сердца русский народ.

Уже мы имели свидетельства самих русских историков о том, что горцы, ко времени „замирения“ борьбы с Россией, стояли на значительной ступени культурного и политического развития и что жизнь сих народов в период имамства Шамиля была государственно оформлена и уже „перед Россией выросло могучее государство, управляемое твердой рукой Имама Шамиля“. Но и сотни лет тому назад появившиеся труды различных европейских ученых; генуэзца Интериано и Ионна Лукккского, французов Шардена и Тавернье, голландца Стрюиса, немецкого подданного Олеария, Рейнечса, Потоцкого, Палласа, Клапрота, и др. свидетельствуют о высокой культуре горцев. Величие борьбы горцев с Россией побуждает англичанина Белля и поляка Лапинского провести несколько лет среди горцев и заняться изучением духа тех учреждений, из которых слагалась горская государственность. Знакомство с этими трудами дает ясное представление о том, что в особенностях религиозного, общественного и юридического быта горцев Кавказа таятся напластования религиозно-юридических систем иранской, римской, византийской, арабской, — все они нашли свое отражение в горской гражданственности.

Мы знаем, что Россия стремилась всеми ей доступными средствами, с неуклонным упорством жестокости, к полному уничтожению веками накопленного культурного багажа горцев.

Сознавая свое бессилие преодолеть в открытом бою горцев,

выросших на прочной и своеобразной вековой культуре, русские в борьбе с ними избрали подлую систему провокации, натравливания и подкупа. Пути и средства, которыми русские пользовались в борьбе с горцами, навсегда останутся неизгладимым пятном на короне бывших царей российской деспотии.

О мерах борьбы русского правительства с горцами профессор П. Ковалевский говорит: „В задачу военных приготовлений на Северном Кавказе входило подготовить и вооружить Гребенских, Терских и Астраханских казаков, расположить и направить на Кабарду калмыков и, наконец, воспользовавшись ссорою черкесов, найти и между ними союзников".

Другой историк — П. Бутков пишет:

„Еще с 1782 — с этого отдаленного времени появились попытки и даже принималось за правило ссорить между собою кавказские народы, дабы они, ослабляя свои силы, оставляли больше нас в покое". Эта-же основная тенденция внутренней и внешней политики красною нитью проходит вплоть до падения царской власти.

Бывший наместник Кавказа Воронцов в своем донесении на высочайшее имя пишет: „Здесь, на Кавказе, по политическому положению края, затруднение еще ощутительнее и потому подлежит не только не посягать на права высшего сословия, но всеми мерами стараться об ограждении и укреплении их, ибо только одно аристократическое начало может побороть то направление демократическое, которое развилось и так глубоко пустило корни свои и против которого, к сожалению, кроме оружия, никакого оплота противопоставлено не было"*).

Подведем итоги прекращения горцами борьбы и водворения русских на Северном Кавказе.

Яркую картину русского разгула в стране горцев дают отзывы целаго ряда изследователей сей страны.

В 1837 году английский путешественник Спенсер писал о кавказских горцах: „С первого-же момента, когда открылись предо мной черкесские долины, вид страны и населения превзошел самые пылкие мои представления. Вместо пустыни, населенной дикарями, я нашел непрерывный ряд обработанных долин и холмов, почти ни одного клочка земли не было не культивировано. Огромные стада коз, овец, лошадей и быков бродили в разных направлениях по роскошной траве".

---

*) Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Кавказского края. Т. С. Титов ч. II, стр. 14.

Другой исследователь говорит:*)

„Надо сказать, впрочем, что и сама прилегающая страна (Черноморское побережье), не в пример нынешнему времени, была в то время „обильна млеком и медом". В конце, например, тридцатых годов, все побережье с прилегающей к нему горной полосой представляло тщательно разработанный оазис, где обок с дикими, неприступными скалами и вековыми (теперь безпощадно вырубленными на всех более доступных местах) лесами ютились прекрасные виноградники, зеленели роскошные нивы, расположенные местами даже на искусственных террасах, снабжаемые водой из нарочито устроенных каналов, оберегаемые от ливней искусственными водоотливами.

По побережью пестрели густые сады, в которых зрели разнообразные фрукты, составлявшие для местного горского населения один из важных предметов сбыта, как мед и воск, получавшиеся ими с обширных пчельников; на полях береговой полосы росли: кукуруза, ячмень, пшеница и др. хлебные злаки, убираемые в известное время спускавшимися с гор горцами."

(Продолжение следует)

Ибрагим Чулик.

Мамсураты Темирбулат — первый осетинский поэт **)

(1845 — 1898)

Мамсураты Темирбулат — первый осетинский поэт. Так говорят обычно в Осетии. Но ни в русской, ни в осетинской печати до сих пор еще почти не появлялось никаких сведений о нем, если не считать двух-трех случайных заметок в осетинских газетах. Между тем, и сама личность нашего поэта, и его поэтическая деятельность представляют для нас высокий интерес.

Биографические сведения о Мамсураты Темирбулате еще весьма скудны. Он родился в сел. Гизель, вблизи гор. Владикавказа, в простой осетинской семье в 1845 г. Гизель — ныне большое осетинское селение; в то же время это был ряд фа-

*) П. С Личков. Очерки из прошлого и настоящего черноморского побережья Кавказа. Киев 1904 г. стр. 5—6.

) Настоящая статья нами перепечатана из Том I Вестн. Осет. Инст. Краеведения — **Редакция.

мильных обособленных поселков, выходцев с гор, по берегу р. Гизельдона. Среди таких фамильных поселков-хуторов был здесь и Мамсуровский поселок. Свои первоначальные детские годы Темирбулат провел в сел. Гизель. Затем отец его Осман, вместе с семьей и будущим поэтом, переселился в сел. Брут в Правобережной Осетии. Благодаря влиятельной родне, среди которой был известный в то время на Сев. Кавказе генерал Мусса Кундух (родной дядя по матери), Темирбулат имел возможность получить среднее военное образование (в Петербурге) и стать корнетом. Будучи еще двадцати-летним юношей, он вместе с другими горцами и своей родней, эмигрировал в Турцию в 1865 г. и поселился в Анатолии, в с. Токат Сивасского вилайета. До самой смерти он уже не покидал Токат и умер в 1898 г. Если еще прибавить к изложенному рассказы очевидцев о том, как он тосковал по родине, то этим исчерпывается пока все, что известно нам о жизни Мамсураты Темирбулата.

Начало поэтической деятельности нашего поэта относится к 60-ым годам прошлого столетия. Это было приблизительно за 20 лет до того, как стал писать свои песни-стихотворения другой, уже более известный и более близкий к нам осетинский поэт Коста, и за 30 слишком лет до того, как появилось первое литературное произведение на осетинском языке, именно „Iron fandyr", того же поэта...

Поэтическая деятельность Темирбулата связана с некоторыми значительными событиями из жизни горцев Кавказа.

В истории горских народов 60-ые годы — это перевальная эпоха. Кавказ уже был „замирен", как выражались раньше российские оффициальные и неоффициальные писатели. Кавказская война, тянувшаяся нескончаемо долгое время, уже кончилась. В 1859 г. на высотах Гуниба был взят имам Шамиль, а немного позже, в 1864 г., на Западном Кавказе сдался последний черкесский аул. Россия оказалась победительницей. Русская власть, до сих пор занятая войной в прямом смысле слова, уже переходила тепер к новым „мирным" методам борьбы и покорения под громким именем „насаждения порядка, культуры и государственности".

Горские народы теперь воочию увидели и почувствовали, что значило сдаться, что значило покориться, пойти на приманку обещаний. Если еще десяток-другой лет перед этим горцы слышали из уст представителей России торжественные „прокламации", что и земля горцев останется неприкосновенной, что и свобода их будет сохранена, что и самобытность их будет не тронута, то теперь все было забыто и быльем поросло. Горцы сгонялись

самым грубым образом с исконно насиженных мест, и на эти места, „на кладбища, где лежат останки наших предков“, как говорили горцы, вселялось казачество: 100 тысяч казачьих войск было пригнано на Терек для поселения. На горцев, раздавленных, нищих, лишенных земли и крова, источенных продолжительной войной, посыпались налоги и подати, повинности и административные взыскания. А впереди еще ожидала и пугала воинская повинность, солдатчина. И горцев не покидало чувство жгучего протеста и борьбы, чувство, подчас окрашивавшееся в религиозный фанатизм, и всегда готовое вылиться наружу. Не раз в 60-ых годах среди горцев готово было вспыхнуть восстание. Огни нароставшей бури не раз показывались и в Дагестане, и в Чечне и перекидывались далеко на запад. С другой стороны, страх восстания становился какой-то своеобразной манией преследования у русской власти, и она искала путей и средств разрядить нараставшуюся бурю...

Была ли то одна провокация, или действительно перед частью чеченцев, ингушей, осетин и кабардинцев сама собой блеснула надежда уйти от гнета неверных к своим собратьям по вере в Турцию, найти там лучшую долю, кто знает. Одно несомненно и вполне доказано, что русская власть, желая освободить земли для казачества и избавиться от „бунтующих“ элементов, всегда готовых к восстанию, тайно подогревала стремление горцев уйти в Турцию.

Работа закипела, и к весне 1865 г. переселенческое движение среди чеченцев, ингушей, осетин и кабардинцев приняло массовый характер.

Наш поэт был непосредственным свидетелем и невыносимой политики царского правительства и его провокации, и самого движения среди перечисленных выше народов, и самой агитации. Быть может, и он не раз поддавался действию массового настроения и обаянию ожиданий и радужных обещаний ловких агитаторов, проводивших дьявольский план русского правительства.

На что надеялись, чего ожидали в Турции эти десятки тысячь людей, когда поднимались и шли неведомо куда, покидая свои бедные жилища и свою родину. Еще и поныне среди осетин вспоминают песню, сложенную в ту пору пересленцами осетинами:

„Ой орайда.
Мы в Стамбул поедем.
Там мы будем есть белый хлеб с медом,
Там мы будем питаться рисовой кашей,

Там мы будем исповедывать веру свободно...
Ой, орайда".

А девушки кроме того прибавляли:

„Там мы будем выходить замуж за пашей..."

Со своими арбами, со своим нищенским скарбом двинулись в путь переселенцы-горцы. Военно-Грузинская дорога... Тифлис... Карс... Граница России и Турции... Тяжелый скорбный путь. Быстро наступило отрезвление. Обратно на родину к своим. Это желание охватило всех. Но при помощи оружия погнали наших переселенцев подальше от русской границы вглубь Анатолии: таково было требование русского правительства.

Что должен был перечувствовать наш поэт, наблюдая невзгоды спровоцированных, обманутых и обманувшихся людей, будучи сам непосредственным, страдающим участником этих невзгод. В одном из своих стихотворений, именно в „Двух товарищах", он тяжелыми чертами описывает испытания переселенцев во время следования их в Турцию. „Два товарища" — это два наших переселенца, уже осевшие в Турции: старший и младший. Они идут и ведут между собой беседу. Младший просит старшего оставить свою печаль и рассказать что-либо из прошлого, чтобы скоротать путь.

„Мне даже хотелось бы, чтобы ты запел" — говорит он.

Старший жалуется, что он уже забыл, что значит петь, что сердце его высохло в груди, что его неизбывно гнетет воспоминание о покинутой родине, о родных горах.

„Страну свою, свое добро мы оставили чудовищу змее",— продолжает он. „Насилу унесли мы свои головы... Стонали старики. Из глаз лились слезы, повитые кровью. На устах у всех были слова: „о горы, о родимый край". И дальше: „Кто знает, кто расскажет все, что испытали мы за эту скорбную дорогу. Тысячами хоронили мы своих в песку, без одеяния, без покрова. А на утро мы вновь пускались в далекий путь. Голодные питались мы одной травой. Рыдали измученные дети, и несчастные родители оставляли их встречным туркам, или бросали на произвол судьбы".

Нерадностно встретили новые места поселения наших переселенцев. Вместо поддержки и сочувствия они нашли здесь холодное равнодушие и заброшенность. Но нужно было оседать. Не раз рождалась мысль о возвращении на родину. Но разве могли они надеяться на лучшие условия в тогдашней России. Наш поэт знал и писал, что Россия—„страна царя, угнетающего народ", что это „вепрь, насевший на грудь его родной

страны", что в ней „много-много родного люду стонет — страдает в Сибири". Турция не то, что хотел, чего ожидал наш поэт. Недаром в своей „Колыбельной песне", он внушает ребенку „не стать турком", а помнить, „что в нем искрятся капли кавкасской крови". Кавказ — вот далекая желанная страна; родной, теперь уже на двое разорванный народ — вот постоянно гнетущая поэта мысль; родина — вот предмет его мечтаний и тоски. Основным мотивом поэзии Мамсураты Темирбулата является именно тоска по покинутой родине, тоска по родному народу. Тоской проникнуто все, что нам известно из стихотворений Темирбулата. Кажется, у него нет другого вздоха, другой боли, другого возгласа, как

„О горы, о родимый край!
Ну как нам жить без вас".

Таково его стихотворение „Думы" *)

Всю ночь, всю ночь и до утра
Я не могу уснуть,
И глаз своих всю ночь
Я не могу сомкнуть.
О горы, о родимый край!
Ну как нам жить без вас.
„О смейся, смейся над собой", —
Сказал мне край родной; —
„Жестокий вепрь налег на грудь"...
Он простонал с тоской.
О горы, о родимий край!
Ну как нам жить без вас.
Не я ль вскормил, вспоил
Твоих детей, сынов;
И прах твоих отцов
Не я ль в себе хранил.
О горы, о родимый край!
Ну как нам жить без вас.
Нет, не сразится больше нам;
Насилье тяжкое гнетет.
Придавлен весь и здесь и там
Разорванный народ.
О горы, о родимый край!
Ну как нам жить без вас,
Отрадой сладостной повит
Родимый край, любимый край.
Что жизнь, что радость без тебя.
Ты — сердца, свет и рай.
О горы, о родимый край!
Ну как нам жить без вас.
Повсюду дети твои, — мы
Живем и дышим лишь тобой.
И в этот скорбный час невзгод
Нам не забыть наш Край родной.
О горы, о родимый край!
Ну как нам жить без вас

Поэт не только сам чувствовал на чужбине тоску по родине. Он видел вокруг ту же неизбывную тоску. А что тоска по родине здесь была массовая, об этом свидетельствуют все очевидцы. Рассказывают, что когда кто-нибудь отправлялся на родину, все: и старые и молодые, и мужчины и женщины окружали уезжающего и снабжали его заранее заготовленными сумочками, чтобы он на обратном пути захватил хоть „горсть земли из страны родной". Всетаки, — говорили, — легче умирать на чужбине, с мыслью, что в могильную яму посыпят „хоть горсточку родной земли".

*) Перевод Ц. Г. — **Редакция.**

Темирбулат по справедливости может быть назван поэтом скорбного переселения горцев в Турцию и их тоски по покинутой родине, по родному народу.

Из стихотворений нашего поэта в осетинской печати появилось лишь несколько — как-то: „Думы", „Два товарища", „Колыбельная песня". Несколько стихотворений имеются у разных лиц в рукописном виде. Между тем, по всем данным, литературное наследие Темирбулата должно быть весьма значительным. Это наследие, говорят, хранится у родственников поэта в Турции в его „посмертном сундуке". Не пора ли, наконец, вскрыть его и показать свету произведения первого осетинского поэта.

Цомак Гадиаты.

КОГДА?

Могу-ли я забыть Кавказа славу,
Столетнюю войну в родных краях...
Геройство предков... Дым пожаров...
Забыть, что я рожден в горах!...

О, нет! Во имя дедов,
Во имя славной старины,
Во имя вольности заветов,
В об'ятья не спаду я тьмы...

Но прежде чем забыть страдания
И раненых добитых стон, [и слезы
Все оргии кровавого Учгёза*)
Пусть поразит меня проклятья гром.

Подите-ж проч, вы, подлые соменья,
Черкес не создан для того,
Чтобы забыть о часе мщенья...
Отцов огонь в душе его.

Жду днем и ночью я мгновенья,
Когда сверкнет в горах булат...
Испить до дна из чаши мщенья,
Велит так грозно гор Адат.

Адиль-Бек.

---

*) Учгёз, прозвище данное горцами генер. Евдокимову, известному своими сатанинскими жестокостями и грубостью.

Дагестан в огне*)

2- и 3-е ОКТЯБРЯ 1919 г.—БАКУ

(Из дневника)

Итак мы выезжаем в Дагестан. Кто может подумать, что рядом огромная область охвачена огнем восстания, идет борьба не на живот, а на смерть — так вяло реагирует Баку на дагестанские события. Где эта пресловутая бакинская демократия, держащая так высоко знамя революции и не находящая теперь внутренних сил для выражения братского сочувствия восставщему народу?

Жизнь идет своим чередом. Всматриваешься в ея глубину— и чувство сомнения закрадывается в душу, не иссяк ли источник революционной энергии у демократии городов Закавказья? Прибой кончился и не начался ли уже отлив? Иначе трудно себе об'яснить то равнодушие, с которым общество проходит мимо явления, чреватого самыми серьезными последствиями для всего Кавказа.

Ну, пусть Тифлис далек от центра действий, но, ведь, Баку расположен близко под боком. Баку связан с Дагестаном тысячами неразрывнных нитей, а что дал Баку дагестанским повстанцам? — Ничего. Почти в буквальном смысле.

А помощь могла быть самая разносторонняя — деньгами, бельем и платьем, медицинскими отрядами, добровольцами и т. п.

Вспоминаешь войны разных малых народов, боровшихся за свою национальную свободу, и то сочувствие, которое эти войны встречали в передовом обществе Европы, и поражаешься — неужели борьба горских народов за свободу против черной реакции не должна вызвать взрыва самого пламенного сочувствия в сердцах населения, хотя бы двух Закавкасских республик, Грузии и Азербайджана.

А, если такое сочувствие есть, то должно же оно вылиться в какие-либо формы?

В эпоху борьбы горцев за свободу, во времена великих имамов Кази-Муллы, Гамзата, Шамиля, в рядах горцев иногда находились целые отряды иностранцев. Был, например, польский легион.

Это было в далекую эпоху. Неужели же теперь восстав-

---

*) Отрывок из неизданной книги покойного Ахмета Цаллыкаты

шие горцы не заслуживают соответствующего сочувствия, — в особенности у тех, кому они своей кровью создают возможность мирного существования, развития и укрепления свободы и государственности?..

Где же та революционная, пылающая энтузиазмом молодежь, которая должна была бы сотнями устремиться на горский фронт, чтобы там послужить великому делу свободы в рядах восставшего народа? Отчего мы ничего не слышим об азербайджанских и грузинских легионах, борющихся рядом с горцами?..

Правда, не всякий, кто произносит революционные фразы, способен на революционный подвиг, но даже оставаясь в тылу в безопасности, можно же работать для тех, кто действует на фронте.

И о такой работе почти ничего не слышно.

Но ничто не пропадает даром. Каждая упущенная в этом смысле минута — принесет свой плод. Этот плод может оказаться очень и очень горьким.

Не будет ли это по заслугам?

Индиферентизм к горской борьбе доходит до того, что до сих пор ни один кавкасский орган печати не нашел нужным послать своего специального корреспондента на театр военных действий. Закавказье живет слухами, которые распространяются каким-нибудь случайным беженцем. Слухи эти часто оказываются совершенно далекими от действительности.

Поразительное равнодушие.

Казалось бы вся демократия Закавказья должна была общим порывом прийти на помощь горцам без различия направления.

Но видимо революционное чувство у демократии начинает притупляться — остается только жвачка революционной фразеологии. Нет искреннего энтузиазма, — умеющего любить и ненавидеть, есть мелкий практицизм остывших людей.

Неужели это так?

Пусть будет так, но вот народ, стихийно поднявшийся во весь рост, не знающий сомнений и колебаний, с голыми руками кинувшийся в битву, народ, рвущийся к свободе и независимости родных гор.

Скорей, туда в народ!

* * *

Сейчас был у председателя совета министров Насиб-бека Усуббекова.

Беседовал о дагестанских событиях.

— Думаете ли вы нам помочь? Я еду в Дагестан и я должен приехать туда, зная определенно, на что мы можем рассчитывать со стороны Азербайджана.

— Не только думаем, но уже помогаем.

— Разрешите узнать, в чем выразилась ваша помощь?

— Мы уже послали вам сорок турецких инструкторов: офицеров и чаушей.

— Охотно мы дарим, что не надобно нам самим, — сказал я смеясь.

Усуббеков в свою очередь улыбнулся.

— Что же вы хотите? спросил он.

— Согласно условию с грузинским правительством Грузия должна нам дать оружие — и это оружие уже отпущено, а Азербайджан деньги, ответил я.

— Мы вам дадим и денег.

— Сколько?

— Цифра еще не определена, но думаю, что она будет достаточна.

— Когда же определится цифра.

— Сегодня, завтра. Позвоните мне завтра по телефону, я вам сообщу.

— Завтра я уезжаю в Дагестан.

— Вы наверное поедете вечером. Утром позвоните.

— Хорошо. Но почему бы вам не помочь активно. Если дагестанское восстание будет сломлено добрармией, то вслед за Дагестаном наступить очередь и Азербайджана. На спинах разбитых дагестанцев русская реакция ворвется в Азербайджан.

Насиб-бек снова улыбнулся. В этой улыбке можно было прочитать: — не запугаете, мы знаем, что нам нужно делать.

И он стал раз‘яснять мне, почему Азербайджану приходится вести сейчас весьма „тонкую и осторожную политику“. Оказывается, можно было повредить парижской дипломатии Азербайджана. Антанта могла остаться недовольной и отказать Азербайджану в признании его государственной независимости.

— А мы будем оказывать поддержку исподтишка, так знаете, чтобы и овцы были целы и волки сыты.

Насиб-бек снова самодовольно улыбнулся.

Я не стал его утруждать более.

Подумал:

— Уж эта тонкая дипломатия. Где тонко, там и рвется...

* * *

Вчера, вечером, мы прибыли на станцию Ялама, конечный пункт Азербайджанской Республики. Дальше в нескольких верстах протекает Самур — граница Горской Республики, восставшего Дагестана. Мы вышли на станцию. В полутьме станционного помещения толпились несколько оборванных лезгин и аскеров пограничной стражи.

Ночевать негде было и мы вернулись обратно в вагон. Кондуктор протестовал, видимо по старой памяти. Но мы, все-же, расположились в купэ, закутались в бурки и великолепно проспали до утра, несмотря на то, что окно в купэ было разбито и холодный ночной ветер врывался во всю.

В корридоре вагона какой-то турецкий юзбаши, так-же как и мы пробиравшийся в Дагестан, смешно ругался:

— Отель нет, номер нет, спать нет, черт... Голова рубить надо.

От него пахло вином.

Его ругань забавляла окружающих:

— Ишь чего захотел. Подай ему на ст. Яламе отель. Постой, голубчик, впереди еще не то будет.

Кое-как беспокойный юзбаши угомонился в соседнем купэ...

Утро ясное. День обещает быть хорошим.

Нам хочется скорее двинуться в путь. Но один из наших товарищей отстал на ст. Худат. Там он оставил у кунака винтовку, и не хотел теперь ехать в Дагестан, не захватив с собой оружия. Пришлось ждать первого поезда. Он пришел только после полудня.

Толчемся на станции. Грязный лоскуток с выцветшими полосами, на котором виднеется полумесяц, да несколько аскеров, вот и все признаки того, что тут начинается Азербайджанская Республика. Состав служащих на станции — русские. Как то странно их видеть. Они кажутся каким-то особым пятном, — чужеядным растением. Видимо, им все окружающее глубоко противно и они делают свою работу, скрепя сердце. Их позы, выражения лиц, гримасы, разговор, все это полно нескрываемой ненависти к окружающему, к тем „гололобым азиятам", которые волей превратности судьбы стали господами положения. Будто они ждут только удобного момента. Вот где деникинцы — подлинные. Азербайджанская Республика греет змей на своей груди, — прийдет время и эти змеи больно ужалят ее. О эти люди забудут тогда великодушие, приютивших их „азиятов"! Однако, какая разница с грузинскими железными дорогами... Какая масса там железнодорожных служащих гру-

зин. Это создает ощущение здоровой грузинской государственности.

Какое скверное место ст. Ялама. Воздух полон испарений, удушливый. У всех желтые лица, изможденнный вид. Видно малярия свирепствует во всю.

Интересуемся слухами о событиях в Дагестане. На станции какой-то чиновник азербайджанскаго министерства призрения. Он должен размещать беженцев из Дагестана и вообще заботиться о их судьбе.

Спрашиваем:

— Много ли беженцев?

— Да, тысячи две-три... Все из Дербента и окружающих селений. Я их принимаю и распределяю по пунктам.

— Что рассказывают беженцы, каково положение вещей на дербентском фронте?

— Ничего особенного. Повстанцы в дербентских садах и занимают верхний квартал города. Ожидается общее наступление.

Нас окружает толпа. Идут всевозможные толки. Обсуждают события вкривь и вкось. Передают самые фантастические слухи о турецких отрядах, якобы двигающихся на помощь Дагестану и т. п.

Хочется скорей выбраться из этой атмосферы слухов и познакомиться с действительным положением вещей.

Ждем застрявшего на ст. Худат товарища все с большим и большим нетерпением. Около станции арба с высокими колесами и парой буйволов.

Какой-то стражник, лезгин, узнав, что мы едем в „чтаб“,— весь Дагестан, как потом пришлось увидеть, покрыт сейчас сетью „чтабов“, — сейчас же отобрал у хозяина арбы кинжал.

— Для чего вы это сделали? спросил я.

— Мошенник уйдет. Так не уйдет.

Обезоруженный аробщик довольно улыбнулся, видимо польщенный, что речь идет о нем.

Ну вот, слава Аллаху, тянется, наконец, давно жданный поезд. Из теплушки вылезает маленький приземистый Аббас, в черной косоворотке и пиджаке. Из-за плеча торчит германский карабин. На поясе холщевый патронташ. Вид у него воинственный. Мы смеемся. — „Мальбург в поход собрался“...

Он критически осматривает арбу и видимо недоволен предстоящим способом передвижения.

— Э... Это негодится. Мы поедем на паровозе до Самурского моста, а там близко селение.

Аббас идет к машинисту.

Переговоры увенчиваются успехом. Паровоз маневрирует. Мы взбираемся на паровоз.

Путешествие в Дагестан началось. Но как? На паровозе. Приятно ехать на паровозе. Особенно когда чувствуешь такие контрасты — первобытная арба с ленивыми буйволами и паровоз.

Каждый раз, когда я еду на паровозе, меня охватывает особое чувство человеческой гордости. Сколько тут в будке машиниста неведомых для нас профанов колесиков и рычагов, послушных воле этого человека в засаленой кожанной куртке с грязными маслянистыми руками?... Какие-то грозные силы, тяжело дышащие, закованы человеческим гением в цепи рабства и послушны его воле. Эта печь, которая дышет в лицо жаром — кажется мне той жертвенной печью, в которой в былые времена жрецы сжигали дары богам — теперь грозному богу, — человеческому гению.

Хочется ускорить быстроту движения и раскалить печь до бела. Вперед на всех парах.

— Но, стоп!

Справа и слева вооруженные азербайджанские аскеры. Застава. Охраняют мост. Началась предмостная насыпь.

Вдали ложе Самура. Река катит мутные волны. Ехать дальше нельзя. Напрасно мы торгуемся с аскерами. Они грязны, оборваны, почти в отрепьях, но приказ начальника — не пропускать никого—исполняют решительно и твердо. Настоящие солдаты.

— Иок.. Нельзя.

Делать нечего. Приходится возвращаться обратно. Сзади около полотна дороги остался хуторок. Решаемся слезть около этого хуторка, чтобы там раздобыть лошадей.

Паровоз забирает какие-то платформы, груженые камнями и мы двигаемся назад.

Ругаем Аббаса.

— Всегда ты придумываешь самые лучшие способы разрешения вопроса, а потом оказывается, что эти лучшие способы ставят нас гораздо дальше от желанной цели.

— Ну, возьмем арбу на хуторе. Все же мы ближе к цели — возражает Аббас.

— А, если на этом твоем хуторе арбы не достанем, тогда возвращаться обратно на ст. Яламу. Еще день пропал.

— Посмотрим. Вот и хутор.

В ложбине разбросаны несколько десятков домов. Свист паровоза привлек внимание жителей. Детишки бросились к па-

ровозу. Видимо, движение поездов уже давно прекратилось по линии и появление паровоза, еще с пассажирами, явилось крупным событием в жизни хуторского населения.

К паровозу с платформами, гружеными камнями, потянулась странная процессия — несколько десятков женщин, закутанных в платки. С ними дети и несколько мужчин. Это оказались беженцы с дербентского фронта.

Они получили разрешение взобраться на платформы. В течение нескольких минут груды серых камней были покрыты красными цветными пятнами.

Эти женщины, завернутые в пестрые платки, казались существами не от мира сего.

Даже страшное бедствие, разразившееся над их головами, потеря крова и имущества, скитание по чужим аулам и тысячи новых невзгод впереди, не могли разорвать оков извечной темницы, наложенных суровой традицией затворничеста.

О, бедные невольницы!..

Мы стояли в нерешимости. Вокруг нас собралась толпа зевак.

Подошел высокий молодой человек в пенснэ, одетый в фрэнч из серой дагестанской шали.

Оказалось, что он знаком с Аббасом.

Аббас представил его нам.

Это был студент Магомедбеков.

Рыжевая бородка, голубые глаза, мягкие черты лица, пенснэ, интеллигентная физиономия типичного т. н. идейного русского студента.

Какое-то странное впечатление в дагестанской обстановке производил этот облик студента Магомедбекова. Думалось, неужели это дагестанец Магомедбеков, а не какой-нибудь товарищ Волжский с Козихинского переулка, штудирующий Маркса, или последователь суб'ективной социологии Михайловского?..

— Прошу вас ко мне, откушать чаю—обратился Магомедбеков к нам, беря из наших рук вещи.

Кто-то из нас сказал.

— Собственно мы очень торопимся. И нам прежде всего хотелось-бы позаботиться о способах дальнейшего передвижения.

— Ну, товарищ, тут биржи нет и фаэтона позвать нельзя. Идемте ко мне, а там устроимся как-нибудь. Посмотрим.

Мы охотно приняли это приглашение и двинулись к хутору, тем более, что лучшей встречи нам ожидать и не приходилось...

Единый фронт на Соловках

Азербайджанец, доктор Б. Е. Ага-Оглу, побывавший в качестве ссыльного на знаменитой недоброй славой каторге советской — Соловках, и отбывший там 4 летний срок заключения*) ныне сумел выбраться из „советского рая“ и опубликовал свои воспоминания на страницах стамбульской ежедневной газеты „Бильдиришь“.

Из этих воспоминаний, полных ужасами советской ссылки, приводим выдержку, характеризующую братскую солидарность представителей угнетенных национальностей, в большом числе томящихся на холодном севере.

Мне, — пишет др. Ага-Оглу — как борцу за независимость Азербайджана и Конфедеративного Кавказа, пришлось побывать и перенести весь ужас и мученья советской каторги на Соловках. Вместе со мной пребывало там немалое количество представителей иных угнетаемых Советской Россией народов. И здесь — у предверья Ледовитого океана, за тысячи километров от моей прекрасной и знойной Родины, я был свидетелем трогательного единения всех этих несчастных, виновных лишь только в том, что они слишком горячо любят землю отцов и свободу.

Когда в 1927 году азербайджанскими политическими заключенными была об'явлена голодовка — протест, все заключенные — украинцы, грузины, горцы, туркестанцы и т. д. — из'явили желание присоединиться к этой голодовке и разделить участь своих азербайджанских товарищей. Правда, решение это не было приведено в исполнение, но только потому, что сами азербайджанцы воспротивились этому. Они боялись репрессий — разделения и изоляции политических заключенных — и поэтому предпочли голодать сами. Но морально они были удовлетворены; они воочию убедились, что здесь на далеком севере, среди чуждой и неприветливой природы, в лапах профессиональных палачей-чекистов, они не одиноки. Вся „инородческая“ Россия, спаянная единством несчастья и единством цели, выказала им свою солидарность.

В 1928 г. чекисты вновь предоставили случай заключенным в Соловках продемонстрировать свою спайку. В один из осенних дней, во время непосильных работ, составляющих удел заключенных, чекисты избили грузинского поэта Ткешелашвили, азербайджанцев — экономиста и востоведа Мамед-Гасана Бахарли, востоковеда Рахима Векилли, а так-же ряд

*) Др. Ага-Оглу был на Соловках с 1925 г. по 1929 г.

влиятельных и популярных личностей из среды украинских и горских заключенных. Событие это чрезвычайно возмутило соловецкий „Прометей“, и на следующий день все азербайджанцы, грузины, горцы, туркестанцы и др., в виде протеста, отказались выйти на работу.

Конечно, такая „дерзость“ не могла остаться безнаказанной. И в тот-же день, по приказу начальника административной части Степанова, чекисты приступили к изоляции заключенных. Началась „сортировка“ протестантов. Одних отправили на знаменитый „контостров”, иных на неменее знаменитый остров Анзерский, и, наконец, особенно непокорных на самые тяжелые лесные работы, которые производились севернее Кеми, вдоль Мурманской железной дороги (станции: „Вонча“, „Пин-Озеро“ и „Кандалапша“).

В ответ на это мероприятие несчастные мученники вновь об‘явили голодовку, правда, и на этот раз, кроме морального удовлетворения, не давшую никаких результатов.

Я, лично, попал в последнюю категорию, и здесь мне вновь пришлось убедиться в незыблемости созданного самой судьбой братства. Я часто видел, как сильный и здоровый украинец помогал слабосильному и больному грузину, туркестанцу и горцу; как азербайджанец дежурил в длинные северные ночи, после каторжной работы в лесу, у постели больного кубанца; как горец делился последним тряпьем с замерзающим туркестанцем, и т. д., и т. д.

Помню я и общие беседы, когда почти каждый свободный час мы посвящали разбору нашего прошлого и мечтам о будущем. Мы говорили о перспективах каждого народа в отдельности и нас всех вместе. Мы знакомились взаимно с историей наших народов, с литературой и т. д. Мы познавали друг друга и в огне наитягчайщих испытаний ковали наше будущее, уже в активной борьбе, единение.

Ныне, когда мне удалось вырваться из ада, называемого советской Россией, и я вижу, что и здесь осуществляется великая идея братского единения угнетаемых Россией народов, я твердо верю, что то, что исповедывают страдальцы за правду на Соловках, и то, за что борятся наши братья на Родине, а так-же и то, что служит путеводной звездой для наших руководителей здесь в эммиграции — есть идея единственная, общая и реальная. Национальные знамена каждого из народов в отдельности, осененные общим знаменем нашего единства, приведут нас к свободе.

Д-р Б. Е. Ага-Оглы.

Пятилетний план и „национальные области“ Сев. Кавказа

Настоящий обзор составлен по данным, опубликованным в № 6—7 журнала „Революция и Горец“ в статье Л. Витта — „Пятилетка промышленности нацобластей Северного Кавказа“. Обзор охватывает только те горские области, которые входят в административном отношении в состав Северо-Кавказского Края, и включает в себя данные о следующих горских „нацавтономиях“: Чечне, Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Черкесии, Карачая и Адыгеи. Отсутствие материала лишает нас возможности включить в него Дагестан, горскую Кубань и Черноморье, а так-же нынешний Терский округ. Таким образом, картина советского хозяйничанья, вернее ея платонические перспективы в пресловутой пятилетке, будут для территории Республики Горцев в целом освещены не полностью. Значительная часть искони горских земель останется за бортом настоящего обзора и читатель, таким образом, не будет иметь полной картины тех экономических возможностей, которые должны быть используемы пятилетним планом. Эти возможности в весьма малой степени охватывают экономическую мощь Республики Горцев, но даже и при их осуществлении хозяйственное лицо ея должно значительно измениться. Конечно, не может быть и разговора о том, чтобы это изменение в настоящих условиях могло бы сколь-нибудь повлиять к лучшему на материально-бытовое положение горских масс. Абсолютное политическое бесправие, полная зависимость от центра, поддерживаемая режимом военной оккупации, лишают настоящих хозяев края возможности свободного пользования благами своей отчизны.

Экономическая политика большевиков в отношении порабощенных окраин пошла старыми путями царского империализма. Хозяйственное развитие этих колоний и полуколоний искуственно задерживалось; по-прежнему они предназначались, в лучшем случае, к роли поставщиков сырья для промышленности метрополии, одновременно служа рынком сбыта для продуктов последней. Если и произошли какие-либо изменения, то в сторону худшую для населения окраин. Монополия внешней торговли и сугубо проводимый протекционизм заставляют довольствоваться дорогими и далеко не доброкачественными продуктами советского производства, подаваемыми, вдобавок, в весьма ограниченных количествах.

Постоянные ходатайства местных коммунистических кру-

гов о развитии окраинной промышленности, оставлялись центром без ответа. Многочисленные „производственно-строительные“ планы и проэкты, посылаемые с мест, клались под сукно и все оставалось по-старому. Но там, где вопрос касается предприятий „обще-союзного значения“, где прибыль была явной и огромной в своих размерах, власть проявляла неизменную щедрость и заботливость. Все названные предприятия были из‘яты из ведения местных органов и подчиненны непосредственно центру; они обильно снабжались деньгами, рабочей силой (конечно, надежной, присланной из центра), нужным и ненужным оборудованием. В награду метрополия брала весь доход с этих предприятий. На местах не оставлялось ничего или почти ничего. Когда, кажется, в 1925 году чеченский исполком обратился с ходатайством к Москве, о предоставлении в его пользу $^1/_2$% отчисления с доходов „Грознефти“, то получил отказ. Аналогичная судьба постигла и ходатайство осетинского исполкома, о выдаче ему части (так-же весьма незначительной) с доходов „Севкавцинка“ *). Здесь нужно подчеркнуть, что особенно обездоленны в хозяйственном отношении горские „автономные“ области. Желая всеми средствами расстроить консолидацию горской нации, советская власть произвела явно нелепое расчленение территории горцев на ряд отдельных „нацавтономий“. Эта административно-полицейская мера разделила единый культурно-бытовой и политико-экономический организм на ряд беспомощных едениц, не способных в отдельности ни к какому материальному творчеству и оставленных на милость или-же не-милость центра.

Центр-же не проявлял никакой заботы в деле экономического развития подведомственных ему „нацобластей“. Он предоставлял им довольствоваться эксплоатацией тех предприятий, которые сохранились от предшествующей эпохи. Если исключить действительно мощные предприятия „Грознефти“ и „Севкавцинка“, совершенно из‘ятые из ведения местных органов, промышленность нац. обл. располагала в 1926-27 г. 133 предприятиями оценкой в 4.360.356 руб., с рабочей силой в 1027 чел. при мощности силовых установок 3989 HP.

По остальным областям эта печальная картина приобретала еще более жалкий вид. Чечня, например, имела 7 предприятий кустарного типа, гордо величаемых „заводами“ — кирпичным, металлообрабатывающим и т. д. В Ингушетии имелось 8 предприятий аналогичного типа, в Осетии—до 20 и т. д.

*) Алагиро — Садонские серебро — свинцовые рудники.

Конечно, в таком виде местная промышленность не имела никакого влияния на хозяйственную жизнь горских областей. Колоссальные экономические возможности оставались не использоваными, безземельная и малоземельная горская беднота вынуждалась искать пропитание на стороне, край сохранял свою бедную, но романтическую экзотику.

Ныне, по уверению А. Витта, все должно измениться.

„Национальная политика партии—пишет он в своей статье—дает возможность угнетенным в прежнее время национальностям выйти на широкую дорогу строительства социализма“.

Эту возможность А. Витт видит в реализации пятилетнего плана. Согласно последнего, почти 740 мил. руб. вкладывается в промышленность, находящуюся в пределах национальных областей. Свыше 60-ти новых предприятий должно появиться там, число рабочих должно дойти до 45000 человек. А. Витт приводит и распределение этих миллионов по отдельным областям и отраслям промышленности. По отдельным областям картина получается нижеследующая:

Чечня	597	мил. руб.
С. Осетия	48	„ „
Ингушетия	33	„ „
Кабард-Балкария	30	„ „
Адыгея	14	„ „
Карачай	8.5	„ „
Черкесия	1.5	„ „

По отраслям-же промышленности —

нефтянная	560	мил. руб.	металлообраб.	8	мил. руб.
цементная	39	„ „	кирпично-череп.	2,5	„ „
основн. химич.	34	„ „	известково-алебаст.	2,5	„ „
цветн. метал.	23	„ „	прочие стр. мат.	2	„ „
лесная и лесохим.	17	„ „			

Кроме этого:

Бумажная	5	мил. руб.
Пищевкус.	13,5	„ „
Текстильная	13	„ „

Помимо этих сумм, 70 мил. должно быть израсходовано на электрификацию — постройку электростанций на реке Баксан (уже строится) – 23 мил. руб., на реке Гизел-Дон (также строится)—17 мил. руб., на р. Ардон — 23 мил., на строющемся канале Алхан-Чурт—5 мил., на реке Кубани — 12,5 мил. руб.

Все промышленные предприятия уже в 1932-33 г. должны будут давать валовой продукции на сумму в 757,8 мил. руб., из которых 632 мил. будут приходиться на промышленность неф-

тяную и цветную металлургию (нефтян. — 610 мил. руб. и цветная метал. — 22 мил. руб.)

Но одно дело составлять планы, а другое их выполнять. Практика советской действительности множеством примеров показывает нам, что у большевиков далеко не всегда слово вяжется с делом. И в данном случае, хотя советы и вступают в третий год пятилетки, на Сев. Кавказе ничто еще из программы, предвиденной пятилетним планом, не реализовано. Но, если вопреки всякому ожиданию, „пятилетка", все-же, будет осуществлена, результаты ея не дадут горским областям надлежащего эффекта. Приведенные цифры показывают нам, что наиболее крупные вложения достались на долю Чечни (597 мил.) и Северной Осетии (48 мил.). Из приведенных цифр львинная часть приходится, в Чечне, на промышленность нефтяную, а в Осетии—металлургическую — т. е. те одрасли, которые в экономике нацобластей стоят особняком. И „Грознефть" и „Севкавцинк" не стоят ни в какой зависимости и связи ни с местной администрацией, ни с населением. Центр держит управление ими в своих руках, доходы идут в „обще союзную" казну, горские рабочие руки почти не находят на них применения.

Таким образом, уверения А. Витта о „колоссальных суммах вложенных в промышленность нацобластей" далеко не отвечают действительности. Если мы от суммы в 732 мил. руб., приводимой А. Виттом, отнимем 583 мил. вложений в промышленность нефтяную и металлургическую, то получим остаток всего в 149 мил. руб.

Но и эту сумму необходимо средуцировать. А. Витт не указывает, что, кроме промышленности „всесоюзного значения", в национальных областях имеется еще промышленность значения „краевого" и „местного", и только последняя находится в ведении соответствующих „нацавтономий". Промышленность „краевого значения" находится в такой-же зависимости от краевого центра в Ростове на/Д., как и промышленность „всесоюзного значения" от центральных хозяйственных органов Москвы. Таким образом, удельный вес вложений в промышленность, непосредственно связанную с туземным населеням при помощи местного административного аппарата, значительно понижается. Понижается в связи с этим для горцев и значение пресловутой пятилетки, даже в том случае, если она будет полностью реализована. Пятилетка расчитана в интересах центра и осуществленние ея в настоящих условиях нисколько не улучшит положения горцев—настоящих хозяев Северного Кавказа.

Барас-Бий.

„Политические уроки саадуевщины“

Под таким заглавием в одном из сентябрских номеров газ. „Грозн. Раб.“ была помещена цинично глумливая статья некоего Мачукаева, посвященная т. н. „саадуевщине“ — событию, которое имело место летом текущего года в глухом ауле Чеберлой в Нагорной Чечне.

Аул Чеберлой, почти отрезанный от плоскости трудно проходимыми горными массивами, жил до последнего времени своею собственной жизнью. Он не платил налогов, „продразверсток“, не подписывался на „займы“, не имел, понятия о коллективизации, и вряд-ли толком знал, что царя уже нет и ныне им правит не пристав, а окружной совет с комиссаром.

И вот, в этом-то Чеберлое, пишет Мачукаев, появился имам. Имамом стал Сейфуедтин Саадуев, житель названного аула. Саадуев начал призывать население к изгнанию русских, к об‘явлению независимого имамства, говоря, что из Турции должен прибыть с помощью „Великий Имам“. Вокруг новоявленного вождя стало собираться „контр-революционное кулачество и духовенство“, а так-же „обманутые им отсталые массы“. „Географические условия гор позволяли имаму до известного времени продолжать свою кулацкую антисоветскую деятельность“. Саадуев составил „широкий план вооруженного выступления против советской власти“, уверяя население, что настал час избавления от русских.

Но вездесущее ГПУ предупредило готовящуюся „антисоветскую авантюру“. Его агенты донесли о подготовляемом восстании и в горы были немедленно отправлены части красной армии с артиллерией.

Пять часов громили пушки Чеберлой, пять часов отстреливались чеберлоевцы от наступающих цепей красной армии. И только тогда, когда иссякли патроны, аул сдался.

Саадуев был арестован. Арестован был так-же „кулак-лишенец“ Бекханов, „который призывал горскую темноту к неуклонному подчинению и исполнению всех распоряжений имама“. Забрали чекисты и представителя этой „темноты“ — „обманутого имамом бедняка-горца“ Шахбулатова. Был суд. Саадуев и многочисленные свидетели уверяли, что никто в Чеберлое не думал себя об‘являть имамом, что он, Саадуев, хотел только помочь родному народу и готов за все один нести ответственность.

Саадуева расстреляли; аналогичная участь постигла и Бекханова и только „обманутый“ Шахбулатов отделался тремя годами лишения свободы. Вся история получила название

„саадуевщины" и была выставлена, как „один из методов классовой борьбы национального кулачества и мусульманского духовенства". Это толкование стало „политическим уроком саадуевщины".

Но так-ли это? Действительно-ли „саадуевщина" является „методом классовой борьбы"? Конечно — нет. И это сознают и те, кто так пишет. Классовой борьбы не может быть там, где нет, фактически, еще классов. На общее количество горцев в 1926 году было 0.1% промышленных рабочих горцев. В стране, где 90% населения составляет мелкий собственник, земледелец и скотовод, где нет пролетариата и буржуазии в европейском значении этих понятий — не может быть борьбы классов. И легенда об „одной из метод" является сознательным измышлением, желанием как-нибудь очернить освободительные стремления горцев.

Эти стремления почти всегда выявлялись в форме национального религиозно-освободительного движения, во главе которого, чаще всего, становились представители горского духовенства. Шейх Мансур, Имамы Кази-Магомет, Гамзат-Бек и Шамиль, вождь восстания 77 года Алибек-Хаджи, наконец, Нажмудтин Гоцинский, Узум-Хаджи, Магомет-Эмин Ансалтынский и др. вышли из той среды арабистов, которая отстаивала и хранила заветы горской вольности.

„Саадуевщина" явилась естественным продолжением этой традиции. Событие в Чеберлое это ничто иное, как проявление национально-освободительного движения в его религиозном преломлении. Стремление-же выставить мученика Саадуева в роли каррикатурного „имама" диктуется желанием дискредитировать, очернить этот традиционный для горцев вид национально-освободительной борьбы. Саадуев, несомненно, не об'являл себя имамом, но он шел теми путями и употреблял те лозунги, которыми шли и руководствовались вожди горцев, создавшие традиции освободительной борьбы. Память Саадуева, погибшего за святой идеал национальной вольности, нам, ищущим новых путей и идущим по ним, лишний раз должна припомнить, что, кроме этих путей, есть еще иные, освященные кровью многих патриотов, ставшие традицией, и что с ними нам так-же необходимо считаться. Это — наш „политический урок".

Б. Б.

Ной Рамишвили

7 декабря т. г. в Париже на Авеню Гоблен предательской рукой был убит Ной Рамишвили, крупнейший государственный деятель Грузии и выдающийся патриот. Ной Рамишвили родился в 1881 г., учился в Дерптском университете, откуда был исключен за участие в студенческих безпорядках 1908 года и выслан в Грузию. Здесь он принимает участие в революционном движении грузинских рабочих против царизма и скоро выдвигается на руководящие посты. Под его руководством происходит об‘единение рабочего и крестьянского движения и их концентрация в одной социал-демократической организации.

Неоднократно подвергаясь арестам и ссылкам, он постоянно тайно возвращается назад и продолжает прерванную работу.

В революционном движении 1917 г. Н. Рамишвили играет выдающуюся роль.

Он выбирается членом Всероссийского Учредительного Собрания, затем — членом Закавкасского Сейма и Национального Совета Грузии. 26 мая 1918 г. Грузия об‘являет свою независимость и Ною Рамишвили поручается составление 1-го кабинета возродившейся и свободной Грузии. Он входит во все последующие кабинеты в качестве министра внутренних дел, военного и народного просвещения. На всех этих постах Ной Рамишвили проявил выдающиеся способности крупного администратора и организатора.

После оккупации Грузии красными войсками в 1921 г., Н. Рамишвили вместе с национальным Правительством Грузии, согласно постановления Учредительного Собрания, выезжает в Европу и далее продолжает служить делу восстановления свободной и независимой Грузии. Он устанавливает связь грузинских революционных организаций со всеми кавкасскими антисоветскими партиями и добивается гармонического сотрудничества их.

В лице Ноя Рамишвили погиб не только великий грузинский патриот и выдающийся государственный деятель Грузии, но и человек, который искренно и горячо работал над созданием независимости об‘единенного Кавказа. Эта потеря — наша общая потеря и мы вместе с грузинским народом должны разделить его скорбь.

Обращение Саида Шамиля к председателю 11-ой сесии Лиги Наций

Саид Шамиль, генеральный секретарь Н.П.Г.К. и глава горского национального движения, обратился к председателю 11 сессии Лиги Наций с письмом, которое, затем, вместе с интервью и рядом информаций о горцах, было опубликовано в некоторых европейских газетах („La Tribune de Genève", „Journal de Genéve", парижском „Le soir" и т. д.).

Письмо начинается следующими словами—„Господин Председатель! В то время, когда усилия всех цивилизованных народов направлены к укреплению мира, когда наиболее достойные представители европейских держав поддерживают идею европейской федерации — в это именно время отчаянное, невыносимое положение народов Кавказа вынуждает нас, представителей Республики Союза Горцев Кавказа, обратится к Высокому Собранию, которое Вы возглавляете, Господин Председатель.

Чем дальше продолжается власть большевиков над обширным пространством бывшей царской империи — этой тюрьмы многих народов — тем более явствует невозможность мирного сотрудничества с нею.

Власть, считающая всякое упорядочение экономических и социальных отношений в Европе за непосредственную угрозу своему существованию; власть, органически противная современному порядку вещей — власть такая будет всегда препятствием для упорядочения и умиротворения мира.

Агрессивность политики Москвы, которая вот вот уже 13-ть лет вносит смуту в равновесие и устойчивость установившихся международных отношений, открывает нам истинные намерения большевицкой власти"...

Далее, отмечая двуличность и фальшь советской политики, письмо указывает на невыносимость положения тех народов, которые находятся в рабстве у советской России. Совместные страдания привели эти народы к об'единению усилий, дабы сбросить с себя тяжелое иго большевиков. В частности, кавкасские народы пришли к необходимости конфедеративного об'единения. Мир не должен оставаться безучастным к этим усилиям.

„Народная Партия Горцев Кавказа — читаем мы в конце письма — единственная партия, представляющая организованные силы Северного Кавказа, обращается с надеждой и верой к Высокому Собранию; Народная Партия твердо верит, что Лига

Наций, благодаря своему высокому нравственному влиянию, найдет возможность оказать свою помощь народу, от имени которого мы обращаемся“...

Печать

Комитетом Независимости Кавказа издана книга М. Е. Расул-Заде — „О пантуранизме в связи с кавказской проблемой“. Книга эта с предисловием Ноя Жордания, главы грузинского национального движения, включает в себя ряд статей и публичных докладов, разновременно посвященных автором указанной теме. Мы не можем не приветствовать почин К.Н.К. — ознакомить широкую читающую общественность с волнующими вопросами нашей действительности, тем более, когда это ознакомление происходит при посредстве такого высокого авторитета, как М. Е. Расул-Заде.

Значение и ценность книги прекрасно изложены в предисловии Ноя Жордания.

„Автор чрезвычайно наглядно, — читаем мы там — с большим талантом и знанием дела, раскрывает эти течения (идейные среди тюркских народов — ред.), и, приводя их в связь с подобными-же течениями христианского мира, приводит читателя к ценному и поучительному выводу—единству мировой культуры“.

И далее —

„Христианская мысль никак не могла осмыслить существование турецкого государства на религиозных началах, на фундаменте панисламизма, относила его к особенностям мусульманского мира. Но она забывала, что некогда на точно таком-же религиозном моменте обосновалась подчинившаяся папам Европа. Восток и Запад начали свою новую историю одинаково, на основе господства религиозного момента, — с той, однако, разницей, что второй изжил это господство раньше первого. Панкатолицизм разрушается изнутри, реформацией и революциями; панисламизм-же извне, войнами и восстаниями, постепенным отпадением народов от метрополии — Турции, и превращением последней в фактически национальное государство. Но этим историческим фактам предшествовали идейные течения, борьба мнений, идеологические искания путей национального развития. Автор настоящей книги знакомит нас со всеми перепитиями этой идейной борьбы и показывает, как история повторяется,

какое сходство между идейными течениями мусульманских и христианских народов. Пантуранизм, пантюркизм, тюркизм — это тоже-самое, что пангерманизм, панславизм, национализм, перенесенные на мусульманскую почву. Подвергнув анализу эти течения, автор отбрасывает все „пан“-ы и принимает за реальное и здоровое лишь одно идейное направление: это тюркизм, основание ряда тюрксих государств, поддерживающих между собой лишь культурные связи, — заключение вполне гармонирующее с историческим процессом и ходом национального развития христианских народов“.

Далее Ной Жордания указывает, что этот процесс регенерации тюркских народов и приобщение их к общечеловеческой цивилизации выводит из равновесия часть русской прессы, именующей себя левой, и, что книга М. Е. Расул-Заде является, как раз, ответом на нападки этих кругов, в своей сущности далеко не демократических. Мы-же с своей стороны добавляем, что названная книга является ценным вкладом и в историю мусульманской культуры и каждый кавказец с ней должен ознакомиться.

* * *

Газета „Мардж,“ издаваемая старой эммиграцией в Сирии, постепенно начинает осознавать действительные задачи, стоящие перед нею. Из провинциальной газеты, трактующей о местных интересах сирийской эммиграции и изредка помещающей отрывки из нашей истории, „Мардж“ начинает превращатся в общегорский орган, не только пытающийся об‘единить всю старую эммиграцию вокруг единого знамени, но и стремящийся приобщить ее к тем горским идейным течениям на Родине, которые работают над достижением Независимости.

Особенно показательна в этом отношении статья Хагура Пшемахо, напечатанная в № 65 газеты. Хагур Пшемахо говорит, что в настоящее время старая эммиграция идет двумя дорогами: одна дорога — дорога большинства — лишена цели, смысла, не одухотворена идеей, неопределенна; другая дорога— это дорога меньшинства — лучших, отрешившихся от обыденных житейских забот и проникнувшихся священной идеей освобождения своей старой Родины. Эта последняя группа должна в безформенной массе старой эммиграции пробудить прежний дух, забытые заветы отцов и дедов. Она должна восстановить единство горцев, вернув потомков мухаджиров к старым пепелищам.

Хагур Пшемахо предвидит трудности, стоящие на этом пути. Горцы, пишет он, раз‘единены. Большинство находится в тисках советского режима и лишено возможности вести какую-либо национальную работу. Шовинизм новой Турции ставит в почти аналогичные условия и сотни тысяч турецких черкесов. Остается Сирия и другие мандатные страны Ближнего Востока. Но и здесь горцы находятся между двух огней. С одной стороны, местное население — с другой стороны, государство, имеющее мандат. Но, все-же, в последнем случае условия для работы более благоприятны, и, именно, здесь должна быть создана база для всех начинаний, стремящихся к воссоединению старой эммиграции с основной массой горцев, оставшейся на Родине. Путь этот должен итти через национальные школы, печать, культурно-просветительные организации, капитал и т. д. Вопросы чистой политики должны вестись теми лицами, которые находятся в Европе, в условиях свободных государств, и всецело посвятили себя национальному делу. Хагур Пшемахо рекомендует деятелям старой эммиграции прислушиваться к голосу последних и координировать свою работу с их работой. В этом сотрудничестве он видит залог успеха.

* * *

Среди народов, приведенных силою оружия в лоно русской государственности, наибольшее сходство судеб существует, пожалуй, между горцами и крымскими тюрками. Завоеванию, как первых, так и вторых, предшествовал длинный период оборонительных войн. После завоевания, крымские тюрки массами вынуждены были покинуть свою Родину и переселиться в соседнюю Турцию, куда почти 80 лет спустя направилась и эммиграционная волна горских изгнанников. Ныне, и те и другие, имеют огромные кадры т. н. старой эммиграции, не потерявшей в течении многолетней оторванности от Родины национального духа и держащейся обособленными островками в местах рассеяния. Одинаковы и задачи, стоящие в будущем перед этими двумя народами. Они должны не только вновь добыть себе свободу, но и исправить то вопиющее злодеяние, которое совершила над ними русская власть. Сотни тысяч горцев и крымских тюрок, осознающих себя горцами и крымскими тюрками, должны вернуться на Родину отцов, откуда предки их были без сожаления изгнаны.

В гор. Пазарджике в Добрудже издается журнал „Эмель“ — орган крымской эммиграции за-рубежом. Мы рекомендуем всем читающим по-турецки горцам ознакомиться с ним. Дух, кото-

рым проникнут журнал, может нас научить многому, и, прежде всего тому, как достигнуть идеальной гармонии и взаимного понимания в работе двух раз'единенных частей нашего народа — основной массы, оставшейся на Родине, и старой эммиграции, „Эмель", хотя издается, главным образом, силами старой крымской эммиграции, является, все-же, органом всех крымских тюрок, ведущим с успехом чрезвычайно ответственную и сложную идеологическую работу по освобождению своей Родины. Редакция журнала „Горцы Кавказа" шлет своему соратнику братский привет и желает ему полного успеха в достижении намеченной им цели.

* * *

Председатель правительства Кубанской Республики В. Иванис и член того-же правительства П. Сулятицкий выпустили в июле т. г. ко всем кубанским эмигрантам воззвание. В воззвании этом кубанцы-эммигранты призываются не подчиняться распоряжениям пресловутого ген. Науменко, самозванно провозгласившего себя войсковым атаманом. Ген. Науменко собирается „освобождать" Россию — глава-же и член кубанского правительства, вполне резонно, предостерегают своих земляков от этого шага, приведшего Кубань уже раз к катастрофе.

„Не можем, не смеем мы упустить из виду — читаем мы далее в воззвании — и следующее обстоятельство. Г. Науменко, связывая Кубанский Край с русским белым движением, тем самым вовлекает его в войну с Азербайджаном, Грузией, Дагестаном, Украиной, совершенно так, как это было во времена Деникина и Врангеля, вместо того, чтобы иметь эти государства на стороне Кубанского Края".

Заканчивается воззвание призывом:

„Если бы в будущем, при освободительной войне с Москвой народов СССР, вследствии несчастного стечения обстоятельств, вы оказались в русских частях, вы должны в таких случаях рассеиваться и переходить в войсковые части: Азербайджана, Грузии, Дагестана, Украины и т. д., какая из них будет ближе, памятуя, что, находясь в какой бы то ни было из этих армий, борющихся за освобождение своих народов, вы, хотя и косвенно, но будете служить Кубанскому Краю, тогда как, находясь в армии под командой московских генералов, вы при всяхих обстоятельствах будете итти против него. Идеалом-же вашим, постоянной мечтой должен быть переход в состав кубанской армии, которая будет бороться за свободу и независимость Кубанского Края".

Нам давно известны самостийная непримиримость и понимание общности интересов угнетаемых Россией народов, исповедываемых главой и членом кубанского правительства, подписавших воззвание. Но нас приводит в недоумение одно обстоятельство почему авторы воззвания, говоря о своих ближайших соседях, имеют в виду только Дагестан. Неужели они забыли о том, что одновременно с независимой Кубанью существовала и Горская Республика, только частью которой был Дагестан, и с правительством коей правительство г. Иваниса подписало специальный „договор дружбы“ о ненападении и арбитраже. Договор, скрепленный мученичеством председателя кубанской рады — Калабуха. Мы, горцы, стремимся к тому-же, к чему стремились и в 1918 г., и во времена Шамиля. Мы стремимся к об‘единению и независимости и наши друзья должны с этим считаться.

Аслан-Бек.

Вести с Родины

В РЕСПУБЛИКЕ ГОРЦЕВ

„Правоверные коммунисты“

Орган северо-кавказского краевого комитета „Молот“ помещает результаты недавней чистки „нацпарторганизаций“, имевшей место летом текущего года.

„Политуровень проверенных коммунистов национальных ячеек — пишет газета — настолько низок, что многие не знают ни устава, ни программы партии...

...В Чечне некоторые из проверенных членов партии, учителя, имеют несколько своеобразное представление о нашей партии. Они придерживаются „уразы“ (поста), имеют много жен и так далее, а когда им задают вопрос: почему они состоят в партии? Они отвечают, что между коммунистической партией и шариатом нет никакой разницы“.

Такова-же картина и в Дагестане, не вошедшем в упомянутый обзор „Молота“.

„Чистка рядов партии — пишет „Кр. Даг“. — выявила, что в ячейках нагорного Дагестана, в аулах особенно много религиозных коммунистов, верующих и исполняющих намаз и другие религиозные обряды. Все это тщательно скрывается от партии, они, как бы, стесняются своих убеждений“...

Или-же, например, характерный бытовой штрих, описывающий проверку коммунистической ячейки в одном из горных аулов и приводимый той-же газетой:

„Перед проверкомом Мамашев Гебек, 28 лет, аварец, пастух. На вопрос об отношении к религии отвечает:

Я партию люблю, но верую в Бога, потому что мои родители веровали.

— Верую в Бога, молюсь, и мне религия дороже, чем партия...

...На дальнейший вопрос, куда пойдешь, если одновременно будет и партийное собрание, и богослужение в мечети, парень без всяких колебаний ответил:

— В мечеть.

При дальнейших вопросах он лаконически отрезал:

— Я пойду в мечеть, хоть меня повесят...

Таков образ коммунистических низов, рядовой партийной массы, которая лишь внешне восприяла коммунистический облик, оставаясь, по существу, весьма далекой коммунизму и его идеологии. О настроении-же верхов красноречиво говорят недавно цитированные в нашем журнале выдержки из статей Инала Бутаева и Ахмета Бегеулова.

Еще о „национальном мире"

В предыдущем номере нашего журнала была помещена выдержка из газ. „Вл. Труда", говорящая о появлении на Мизурском заводе группы рабочих-осетин, ставящей своею задачей — „борьбу с русским инженером и слесарем". Явно провокационный тон сообщения указывал на желание обратить внимание „власть имущих" на черезчур „осмелевших" рабочих-„националов". Ныне та-же газета (Вл. Тр. 7.XI.30) печатает другое сообщение, более близкое к истине, и вполне оправдывающее выступление (если оно и имело место) рабочих-горцев.

„На собрании рабочих-осетин „Кавцинка"—пишет газета—выяснилось, что при поступлении осетин на работу, в особенности мало знакомых с русским языком, — они вынуждены были уходить только потому, что никто их не знакомил с условиями производства. Сплошь и рядом их называют „гололобыми" и зверьми. Такое отношение, конечно, не легко переносимо, — отсюда и такая текучесть рабочих-националов".

О „национальном мире" и „сотрудничестве" между горцами и русскими пишет и „Грозн. Раб".

„Ответственные работники чеченцы — читаем мы там — говорят, что по каждому вопросу у русской части партийцев одно мнение, у чеченской другое... В отдельных звеньях нашей партийной организации и советских учреждениях имеет место явное извращение национальной политики нашей партии как в сторону великодержавного шовинизма, так и в сторону узкого местного национализма".

Там-же мы находим сообщение о том, что „каждый день в общежитии учащихся фабзауча происходят драки между чеченцами и русскими. Некоторые из учеников натравливают чеченцев против русских. Администрация бессильна бороться против такого проявления шовинизма среди учащихся".

Как они просвещают

— „Красн. Даг." жалуется на то, что Московский наркомпрос „очень своеобразно" понимает нужды национальных областей: „Там мол, народ неприхотливый, почему и шлют сюда людей, не имеющих законченного высшего образования, или имеющих только свидетельство об окончании техникума".

— В находящемся во Терк-Кала Горском сельско-хозяйственном институте студенты горцы на первом курсе составляют только 48%. В Горском-же педагогическом институте там-же процент горцев еще меньше. Это обстоятельство, как пишет „Вл. Труда", „вызывает среди националов шуршукание, что русским не место в горском институте".

— Как пишет „Кр. Даг.", в Дагестане из 29 районых инспекторов просвещения — большинство с нисшим образованием и без педагогической подготовки. Из общего количества в 1100 человек аульских учителей — 78% с нисшим образованием и только 22% со средним.

— В начале 1931 года дагестанский комиссариат просвещения предполагает приступить к постройке кино-театров в Шамиль-Кала (на 800 мест), в Дербенте на 600 мест) и в селениях Губден, Кази-Кумух, Акуши, Касум-Кент и Ахты.

„Преступная травля"

Как известно, значительное количество т. называемых 25-ти тысячников попало и в горские области. О судьбе попавших в Осетию „Вл. Тр." пишет нижеследующее: „За последнее время в Осетии наблюдается преступная травля 25-ти тысячников; в ряде сел и аулов были случаи избиения и даже убийства их". Газета это об'ясняет агитацией кулаков и требует беспощадной расправы с виновными.

„Невязка"

О том, до каких размеров дошло казнокрадство при власти советов говорит нижеследующий факт. В Дагестане при проверке отчетности местного госиздат'а обнаружилась растрата в 400 тысяч руб. „Кр. Даг.", пишущий об этом, называет растрату благодушно „невязкой" и даже не мечет на головы виновных, обычные в таких случаях, громы и молнии. Видимо, растраты в Советской России стали так обычным явлением, что уже колоссальность растрачиваемых сумм никого не удивляет. В данном случае дело кончилось тем, что бюро печатников, всего-на-всего, было распущено.

Убийства советских „активисток"

Нам сообщают из Персии, что бежавшие туда через Бухару горцы передают, что в горских областях всюду замечается усиление антисоветского террора, Террор не щадит и женщин. Так например, в ауле Акхи-Юрт в ноябре т. г. была убита член коммунистической партии некая Оздоева. В ауле Сурх-Хохи тогда-же была убита „активистка" Цечуева.

Те-же лица передают следующий факт: на один из крупных горских колхозов была прислана партия готового платья и белья. Присланные вещи далеко не могли удовлетворить нужды и члены колхоза вынуждены были бросить жребий. При этом вещи были распределены следующим образом: 1 пальто на 130 человек, 1 рубашка мужская на 47 человек, 1 сорочка женская на 36 человек и т. д. Нужда в носильных вещах среди населения вопиющая.

Дела нефтяные

— Опубликованы „контрольные цифры" на 1931 г. для нефтяной промышленности Горской Республики. „Грознефть" должен добыть 8900 тысяч тонн нефти и 308 тысяч тонн нефтяного газа. Заводы гор. Суюнч-Кала (Грозный) должны переработать 9232 тысяч тонн нефти и получить 2372 тысяч тонн бензину. По расчетам „Союзнефти" в 1933 году нефтяная промышленность всего Кавказа („Азнефть" и „Грознефть") даст 41 милл. тонн нефти, при чем на долю Сев. Кавказа придется из этой суммы 20 мил. тонн.

— В районе Черных гор обнаружены новые богатые запасы нефти. Для руководства изысканиями „Грознефтью" вызваны видные геологи.

В АБЕРБАЙДЖАНЕ

Политическое положение в Азербайджане

(Азербайджанское информационное бюро)

По полученным нами сведениям, страна все еще продолжает находиться в тревожном состоянии. Повстанческое движение не успокоилось. Отмечаются новые выступления партизан. В районе между Шахтахты и Ордубат в Нахичеванском краю в августе происходили бои между партизанами и частями красной армии. В Зангезурском районе в Карабахе советские части перешли на сторону повстанцев. Поезда между Баку и Ганджа ходят в сопровождении войсковых частей.

На линии Баку—Ганджа, около станции Кюрдамир, совершенно нападение на поезд. Во время перестрелки убиты несколько коммунистов и красноармейцев.

Помимо партизанских выступлений в уездах царит полная анархия. Совершаются нападение на представителей власти и на видных членов коммунистической партии. Советские чиновники отказываются итти в уезды. Г.П.У. приходиться применять репрессивные меры против таких чиновников — „трусов". „Трусами" являются и многие из коммунистов.

Опасения чиновников, отказывающихся ехать в уезды, имеют основание. из 40 инструкторов рабочих отправленных из Баку в Ганджа, для руководства колхозным хозяйством—14 человек без вести пропали. („Заря Востока" № 181): Из 150 студентов посланных из Баку в Сальяны, тоже с целью инструктирования, крестьянами были приняты только 32, остальным отказали в приеме, как лицам незнающим тюркского языка („Бакинский Рабочий № 158).

Сильное сопротивление оказывается хлебозаготовке. Агенты советской власти подвергаются террору. В уездах нет дня, чтобы не было нападения на того или другого советского чиновника, коммуниста или совхозника.

Заготовка хлеба в Азербайджане провалилась. Центральный комитет А.К.П. в своей резолюции „о ходе хлебозаготовок в Азербайджане", принятой 11-го августа, константирует:

Что из общего плана заготовлено только 7,5%; что „были случаи сопротивления хлебозаготовкам со стороны партийцев и комсомольцев в деревне".

Находя причины не успеха кампании в нерешительности советско-партийных организаций, в саботаже местных органов, попавших под влияние кулака, ЦК партии, грозя всеми репрессиями, призывает „всех" к порядку и к решительным действиям, вплоть до применения самых крайних мер. („Бакинский Рабочий" — № 188).

В составе руководителей Азербайджанской коммунистической партии произошли большие перемены. Между прочим, присланный из Москвы генеральный секретарь А.К.П. Гикало заменен, тоже присланным из Москвы Полонским.

В местной коммунистической партии идет большая грызня между так называемыми группами старого и нового руководства. Грызня настолько обострилась, что Москва принуждена была вмешатся в эту закулисную интригу с окриком менторского предостережения.

Предвыборная мобилизация

— В связи с предстоящими перевыборами советов, Азербайджанская советская прокуратура предписала всем прокурорско-следственным органам задачу всячески бороться с проникновением „классово-чуждых элементов" в избира-

тельные комитеты и советы. Особое винмание должно быть уделено колхозам. Сельские „общественники“ и „активисты“, принимающие активное участие в борьбе „за классовую чистоту советов“ должны быть обеспечены специальной защитой советских органов безопасности.

Бегут из колхозов

— „Бакин. Раб.“ вынужден признать, что в некоторых районах Азербайджана партийцы проводят правую политику, открещиваясь от колхозов, как от черта. Большая часть партийцев и комсомольцев бегут из колхозов на службу, не веря уже в колхозное строительство и страшась предстоящих трудностей. Сплошь и рядом партийцы отказываются обобществлять в колхозе свое имущество. Большинство колхозов разделило урожай по числу едоков, ничего не сдав государству. За последние три месяца (сентябрь, октябрь и ноябрь — ред) по Азербайджану ушло из колхозов до 2-х тысяч хозяйств“.

В КРЫМУ

(Информац. бюро. нац. центра крымских тюрков)

По рассказам приезжих, в горных районах и на южном берегу Крыма начался голод. Уже несколько месяцев жители Крыма не имеют мяса, масла, сахара, и пр. необходимых продуктов. Последнее время на южном берегу ощущается недостаток в хлебе; часто встречаются люди с распухшим от голода лицом и телом.

В Евпатории пуд муки стоит 27 руб., фунт масла — 7 руб. В городах даже за дыней и арбузом стоят длинные очереди.

Высылки

С 1929 года выслано из Крыма более 31.000 татар. Лиц, живщих в Крыму при старом режиме и имеющих турецкое подданство, также высылают оттуда. Интеллигенция, состоящая в турецком подданстве, подвергается предварительно заключению в тюрьму на 8—9 месяцев, после чего высылается заграницу.

В последнее время в Г.П.У. Крыма работает много греков и армян, ранее, главным образом, были русские и евреи.

Особенно сурово агенты Г.П.У. обращаются с турецко-подданными. Необходимо отметить, что последние дни началась массовая высылка татар из Евпатории, Феодосии и южного берега Крыма. Изгнанных из Крыма отправляют на работы в Северный Урал, Архангельск, Котлас, Соловки, Кем, Ново-Сибирск и т. д. Живут все в деревянных бараках. Мужчины заняты лесорубкой, а женщины нагрузкой и сплавом. Часть высланных работает на кирпичных заводах. Дети погибают от голода и холода.

Строго запрещена пересылка с‘естных припасов из Крыма переселенцам; последних лишают даже права переписки с близкими, оставшимися в Крыму.

Переселенцы не в состоянии выдержать жизни в суровых климатических условиях, нет сомнения, что они все обречены на гибель.

Разстрелы

По имеющимся данным, татарские националисты: Бекир Ситки, Одабаш, Акким Мюслим, Абди Зекаи, Якуб Керчи и др. разстреляны большевиками.

Один из видных коммерсантов, принимавший активное участие в революционном движении с 1905 года, Джафер Аблаев умер от истощения в Сибири.

Имеются сведения о разстреле и других лиц, арестованных Г.П.У.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

3. Rue du Sabot, Paris (6ᵉ)

[illegible]